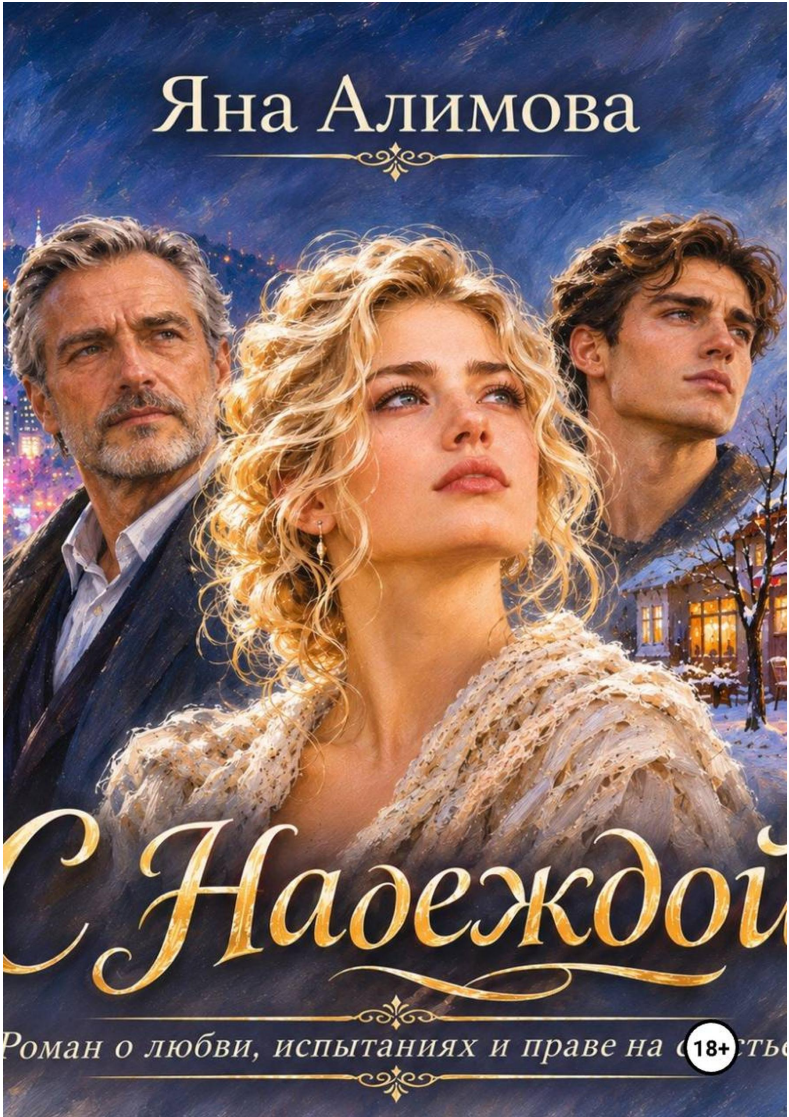

Яна Алимова
С Надеждой
Роман о любви, испытаниях и праве на
18+

Яна Алимова
С Надеждой

https://litres.ru/74777189
SelfPub; 2026

Аннотация

У состоятельного бизнесмена бесследно пропадает дочь. Он искал ее повсюду, но все попытки оказались тщетными. И вот однажды в ночном баре Сеула он встречает девушку, которая поразительно напоминает ему пропавшую дочь. Незнакомка оказывается русской и представляется Надин. За ее красивым лицом скрывается горькая история: тяжелобольная мать, нищета и отчаянное решение отправиться в чужую страну, чтобы заработать на ее спасение.

Потрясенный ее судьбой, мужчина решает вырвать незнакомку из опасного мира, в котором она оказалась. Он дарит ей возможность начать все сначала, но даже не подозревает, сколько испытаний приготовила им судьба.

Впереди — зависть, предательство, опасные тайны прошлого, запретная любовь и непростые семейные отношения. А в роскошном доме, куда приезжает девушка, ее уже поджидает женщина, готовая на все, чтобы избавиться от соперницы.

Сможет ли Надежда обрести любовь и свое место в жизни? И какие страшные тайны откроются тем, кто давно перестал верить в чудо?

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	45
Глава 7	52
Глава 8	59
Глава 9	66
Глава 10	72
Глава 11	79
Глава 12	85
Глава 13	91
Глава 14	98
Глава 15	104
Глава 16.	111
Глава 17	118
Глава 18	125
Глава 19	133
Глава 20	139
Глава 21	145
Глава 22	152
Глава 23	160

Яна Алимова
С Надеждой

Оглавление
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16.
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21

Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47

Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72
Глава 73

Глава 74
Глава 75
Глава 76
Глава 77
Глава 78
Глава 79
Глава 80
Глава 81
Глава 82
Глава 83
Глава 84
Глава 85
Глава 86
Глава 87
Глава 88
Глава 89
Глава 90
Глава 91
Глава 92
Глава 93
Глава 94
Глава 95.

Глава 1

Ласло Ковакс зашел в бар, спрятавшийся на одной из малолюдных улочек Сеула, и сердце его бешено заколотилось. За барной стойкой спиной ко входу сидела девушка. Ее длинные волосы были абсолютно белые и слегка вьющиеся. Точно такие же как у его дочери Валери, пропавшей год назад.

— Добрый вечер! — еле уняв внутреннюю дрожь, Ласло тронул девушку за плечо.

Она обернулась — волна разочарования накрыла Ковакса.

— Здравствуйте! — ответила на приветствие девушка, слегка улыбнувшись.

Услышав приятный девичий, почти детский голос, Ковакс, вынырнул из своих тяжелых мыслей о дочери.

Девушке, сидящей у стойки, было на вид лет шестнадцать, а может, еще меньше. Зачем она здесь, что у нее случилось, где ее родители?

Эти вопросы возникли в голове Ласло, и он задал один из них вслух:

— Что у тебя произошло? Почему ты здесь?

Белокурая, очень красивая девочка, с правильными чертами лица, стерла наигранную улыбку, вмиг став взрослой уставшей женщиной, и ответила, правда, не на вопрос:

— Простите, мне нужно работать.

— Погоди! — он взял ее за руку. — Ты поняла меня? Ты

хорошо говоришь по-английски?

— Нет! Я не поняла вашего вопроса, я плохо говорю по-английски. Пустите меня, пожалуйста.

— Сколько нужно заплатить, чтобы ты осталась со мной?

Девушка не удивилась предложению, ведь именно для этого она и еще несколько девушек были наняты хозяином — ублажать гостей, и назвала сумму.

Мужчина кивнул, вытащил портмоне, извлек требуемые деньги и протянул их ей.

Девушка быстро спрятала купюру и присела, на ее лице снова появилась нежная детская улыбка.

— Чего бы хотелось господину?

— Я уже задал свой вопрос. Но коль я заплатил, то хочу большего, — Ласло принял ее правила игры. — Рассказывай о себе все. Это мое желание.

— Но я же могу и солгать! — проговорила девушка, не то спросив, не то утверждая.

— Ты уже солгала мне! — усмехнулся Ковакс. — Твой английский безупречен, я улавливаю лишь легкий русский акцент, — и мужчина вопросительно посмотрел на девушку.

— Вы не ошиблись! Я русская!

— Как тебя зовут? Только по-настоящему! Я не хочу слышать всех этих ваших надоевших имен — Кармен, Мэри! — Ласло скривился. — Ну, давай! Я заплатил именно за это!

— Хозяин не запретил рассказывать о себе. Значит, можно! — проговорила белокурая красавица, и, прикурив сига-

рету, она томно с придыханием представилась:

— Надин!

— Я же попросил. Тем более за деньги!

— Меня правда зовут, — девушка замялась, — Надя. Но на английском это звучит не очень.

Ласло сделал недовольный жест.

— Хорошо. Называйте меня Надежда! — кивнула она головой.

— Э, нет! Убирай этот тон. Становись сама собой! Давай. Все сначала! — вновь проявил недовольство Ласло.

— Что не так? — опешила Надя. — Это мое настоящее имя.

— Послушай, я вижу в тебе обычную юную девчонку. Выйди из образа… — Ласло не мог подобрать слова, но решил использовать то, которое лучше подходило, ведь понимает же Надежда, где она и чем занимается.

— Выйди из образа проститутки и расскажи мне свою историю.

— Хорошо, — совершенно другим голосом проговорила Надя и добавила: — Вы закажите что-то себе и мне, а то хозяину будет подозрительно.

— Я же дал тебе денег, что еще нужно твоему хозяину?! — с досадой проговорил Ласло, но заказал шампанское и фрукты.

— Почему вы меня спрашиваете о моей жизни? — Надя занервничала. — Вы кто? Почему я должна вам рассказы-

вать?

Ласло вытащил еще одну крупную купюру.

— У меня дочь — твоя ровесница… была…ты похожа на нее… чем-то.

…Валери тоже курила. Сначала пряталась, как все подростки. Потом стала делать это открыто — с вызовом. И так же, как эта девушка, не умела быть собой наполовину — если смеялась, то до слез, если грустила, то так, что, казалось — воздух вокруг тяжелеет. Он помнил, как она однажды непонятно почему сказала: «Пап, я, наверное, исчезну. Совсем. Просто растворюсь — и все». Тогда он лишь усмехнулся. А теперь каждое ее слово горело внутри как нож, воткнутый по самую рукоятку.

— Понятно! Я вызываю у вас чувство ностальгии по ушедшему близкому человеку. Хорошо! Вы заплатили! Воля ваша. Я из России, здесь недавно, приехала три месяца назад. В Княжеске, это маленький городок в Сибири, больше похожий на деревню, недалеко от границы с Казахстаном, у меня живет мама, больше никого нет.

Надя тепло улыбнулась:

— Она у меня очень добрая. Знаете, из тех людей, которые даже бездомной собаке суп нальют. Она всю жизнь старалась держаться — ради меня. Даже когда ей было плохо, никогда не жаловалась. А я все понимала. Я видела, как она плачет в ванной. Я делала вид, что сплю… — голос Нади задрожал, и она опустила глаза. — Я обещала себе, что сде-

лаю все, чтобы ей стало легче. Даже если мне самой будет трудно…

— Как могла твоя мать отпустить тебя? — спросил Ласло. Он был обескуражен.

— Она не отпускала, но выхода не было — и она смирилась.

— Рассказывай все! Не говори загадками! — потребовал Ласло.

— Я хорошо тебе заплатил.

— А как рассказывать? — вдруг сорвалась Надя. — Как можно рассказать все это чужому человеку — будто это сказка? Что мне говорить — что я не сплю ночами от страха, что маме каждый день может стать последним, что я ненавижу себя каждую секунду, потому что делаю то, что презирала в других? Вы хотите услышать правду? Так вот она. Я не живу, а просто считаю дни между переводами денег и звонками маме. И каждое утро, когда открываю глаза, думаю: а не легче ли было бы… просто не просыпаться.

Надя прикурила снова, торопливо сделала несколько затяжек, нервно раздавила сигарету и более спокойно продолжила рассказ:

— Мой младший братишка погиб по вине отца в пять лет. Мне было одиннадцать. Мама не смогла простить — и папа ушел. Через несколько дней его нашли в лесочке недалеко от города…он повесился. Я плохо его помню, но с мамой они жили хорошо, любили друг друга. Мама очень страдала…

Потом ее уволили из хлебного магазинчика — она работала продавцом, устроилась в другой, тоже уволили. Попыталась заняться коммерцией, вроде получилось, мы так радовались, но вскоре все начали заниматься купи-продаем, — Надя сказала это слово по-русски, Ковакс нахмурил брови, давая понять, что не понял.

Надя подыскала подходящее слово на английском, но как оно могло передать специфику того, чем занималась вся разваливающаяся страна в девяностые годы?

— Я понял! — сообщил Ласло.

— Да ничего ты не понял, где тебе! — сказала Надя по-русски и продолжила на английском: — Мама торговала на улице, та зима выдалась очень холодной: морозы стояли долго, снега навалило много. Мама сильно простудилась, ходила на работу больная, пока не свалилась совсем. Долго лечилась, но болезнь была запущена, ничего не помогало. Простуда дала осложнение на сердце, на почки… понадобились серьезные лекарства. То, что они стоили как вся наша квартира, — это ерунда. Их невозможно было купить, а значит, цена еще возрастала. В общем, история вроде длинная, а я вам ее за пять минут рассказала. Сама не ожидала.

— А дальше? — Ласло хотел продолжения.

— Что вам еще не ясно? — спросила Надя грубо. — Так я оказалась здесь.

— А мама? Она выздоровела?

— Если бы с мамой все было в порядке, меня никогда бы

здесь не было! — Надя с неприязнью оглядела помещение бара, словно впервые его видела. — Маме требуется постоянный контроль врача и профилактическое лечение дважды в год. Это стоит немалых денег. Все, что я зарабатываю, я отправляю ей. Но этого мало, ничтожно мало. Я должна что-то придумать, чтобы зарабатывать больше. Почти все относятся ко мне так, как вы! Принимают за малолетнюю девчушку, а ведь мне двадцать три года.

Ласло недоверчиво посмотрел на Надю:

— Мда-а-а, — протянул он, — хорошая история! Мне особенно понравилось с рано умершим братом и повесившимся отцом. Прямо — ух!

Он хотел верить в каждую слезу, в каждое слово. Но слишком много историй он слышал: в Венгрии, в Сербии, теперь вот в Азии — все они начинались с боли и заканчивались продажей тела. Он устал. Устал от жалости, от бессилия, от своей вечной попытки выкупить прошлое дочери у других девушек.

«Может, она и врет… А может, и нет. Но какая, в сущности, теперь разница?» — подумал он и отвернулся.

Все это снова и снова било по одному месту в сердце, которое давно не заживало.

Надя посмотрела на Ласло:

— Вы заплатили, попросили рассказать, я рассказала. Теперь я свободна?

— А что? Не будешь доказывать, что это все правда? Ну

хоть в грудь-то себя ударь!

Надя пожала плечом:

— Зачем? Назовите хоть одну причину, по которой я должна что-то сейчас доказывать вам, чтобы вы поверили. Так я свободна? — вновь спросила она.

— Да-да, конечно! Иди, — в замешательстве ответил Ковакс.

— А вы… — вдруг сказала Надя, уже почти вставая. — Вы вроде хороший человек. Иначе не смотрели бы на меня, как на… дочь. Я видела, как вы смотрите. Не как все, не на товар. А как будто… жалеете. Спасибо за это. Хоть за это.

На мгновение она улыбнулась по-настоящему. Без кокетства, без привычной маски — просто по-человечески. И в эту секунду Ласло увидел, какой она могла бы быть — в другом мире, с другой судьбой. И как будто снова увидел свою Валери

Глава 2

Когда Надя отошла от Ласло и тут же подсела к другому посетителю, он тревожно посмотрел ей вслед.

А что если и его Валери также занимается где-то тем же самым?

…Три года назад дочь ехала в такси и попала в аварию, получила очень серьезные травмы. Врачи долго боролись за ее жизнь, провели многочисленные операции, но когда девушка к радости отца и брата пришла в себя, то семью ждало еще одно ужасное потрясение.

Валери потеряла способность адекватно рассуждать, была рассеянной и не помнила многих вещей. Временами она становилась совершенно беспомощной, словно маленький ребенок.

Ковакс был готов на все, лишь бы спасти дочь и вернуть к прежней жизни, но все процедуры и дорогие лекарства давали лишь слабый эффект, Валери пребывала в каком-то своем мире: она могла подолгу сосредоточенно смотреть в одну точку, а потом вдруг срывалась и хотела куда-то бежать.

Ласло нанял для дочери опытную сиделку, которая все время приглядывала за ней, но однажды произошла непредвиденная ситуация.

Как-то среди ночи в левой части большого дома Ласло начался пожар. Раздался крик, медсестра проснулась, выско-

чила в коридор, и, поддавшись всеобщей панике, выбежала вместе со всеми во двор, оставив Валери в комнате.

Пожар был быстро потушен собственными силами, никакой опасности для домочадцев не возникло, но про Валери медсестра вспомнила только тогда, когда вернулась в комнату.

Постель девушки была пуста, а окно, выходящее в маленький садик, распахнуто настежь. В заборчике была калитка, которая вела к пруду, — и в лесок, она тоже была открыта.

Медсестра тут же подняла шум, Валери искали всю ночь, но тщетно: девушки и след простыл.

На следующий день на ноги была поднята вся полиция небольшого городка, но никто ничего не видел и не слышал. Валери словно сквозь землю провалилась.

…Ночами Ласло, заснув буквально на секунду, просыпался от собственного крика, уверенный, что слышал голос дочери где-то за окном. Он выбегал в халате в сад, босиком, босые ступни проваливались в росу, он оглядывался по сторонам, надеясь увидеть знакомую фигуру на тропинке. Но сад был тих и пуст. В доме за его спиной тревожно загорался и гас свет в окне — это Милош просыпался от шагов отца и снова понимал: нет, не пришла.

Ласло не спал почти неделю, надеясь найти пропавшую дочь, его старший сын Милош во всем помогал отцу, но усилия не оправдались. Валери исчезла.

Горе отца и сына было беспредельно. Тем более, что неза-

долго до трагедии с Валери они потеряли мать, и еще не отошли от одной беды, как судьба преподнесла им следующую.

…Как-то друг Милоша сказал ему, что, кажется, видел Валери в Сентендре, в баре. Она сидела словно кукла с каким-то амбалом. Он чуть ли не из ложечки ее кормил, а она с трудом открывала рот, почти вся еда оказывалась на полу.

— Я поздоровался с ней, — закончил друг рассказ, — но она лишь рассеянно глянула на меня. Зато поздоровался ее дружок и так грозно посмотрел, что я от греха ушел побыстрее.

— Это она! — прошептал отец, когда Милош передал ему рассказ друга.

Ковакс чуть не плакал.

— Поехали! Прямо сейчас, — Ласло готов был сорваться немедленно, Милошу с трудом удалось уговорить отца отложить поездку хотя бы до утра.

Утром Ласло с сыном направились в Сентендре. Они ехали молча, будто боясь спугнуть надежду. Ласло отрешенно смотрел в окно, а Милош сжимал руль так, что белели костяшки пальцев.

Отец и сын легко отыскали бар, про который рассказывал друг Милоша, но, расспросив бармена и официанток, поняли, что то была какая-то заезжая пара. Они не были завсегдатаями заведения, и сказать что-то определенное про них никто из обслуги не мог. Да что там говорить, странную пару вообще никто не помнил.

Мужчины вышли из заведения, и Ласло расплакался как ребенок, не смущаясь людей, которые удивленно смотрели на молодого парня, обнимавшего и утешающего рыдающего мужчину.

— Она ведь все равно где-то живёт… Дышит. Ест. Просто… не с нами, — шептал Ласло.

Милош молчал, не зная, что сказать своему бедному отцу.

…Та поездка не прошла совсем даром. Ласло с сыном объездили всю округу, они заходили в рестораны, бары, спрашивая про крупного мужчину и девушку с белыми кудрявыми волосами. Люди пожимали плечами, никто никогда не встречал таких.

Милош предложил отцу оставить эту затею бесполезных поездок. Ласло напротив сообщил сыну, что он полон решимости ездить и искать Валери и в другие города по всей стране.

Парень горестно вздохнул. Он понимал, что отговаривать отца было совершенно бесполезно.

Ковакс действительно объехал всю страну, но так нигде и не обнаружил следов Валери. Зато наладил контакты по своему бизнесу, и вот через год после исчезновения дочери приехал в Корею в бизнес-командировку, и в первый же вечер увидел в баре девушку, похожую на пропавшую дочь.

Ласло подумал, что, может быть, и Валери так же где-то используют, как эту несчастную Надежду. Что и говорить — Валери была очень красива. И Надя тоже.

…Следующим же вечером после встречи с Надей Ласло вновь отправился в бар, хотя не был любителем выпить. Но его тянуло туда отнюдь не желание насладиться алкоголем. Надежды не было видно, и Ковакс спросил о ней у бармена.

— Ушла с клиентом! — коротко ответил парень, не отрываясь от своего дела.

Ласло испытал двойственные чувства. С одной стороны, он расстроился так, как если бы узнал, что его дочь ушла с мужчиной, а с другой стороны, он почувствовал ревность, как будто Надежда была его женщиной.

— Она вернется? — спросил Ласло у бармена.

Тот лишь пожал плечами:

— Не знаю. Иногда клиенты так хорошо платят, что девушкам не нужно больше работать в этот вечер, но у Надин серьезные проблемы, ей надо много денег! Думаю, она вернется, подождите ее, и она займется вами, — бармен отвратительно осклабился, предложив: — У нас есть и другие девушки! Может?

Ковакс отрицательно покачал головой и присел за свободный столик.

Он с грустью констатировал, что Надежда много работает. В голове Ласло неожиданно всплыло лицо Валери — как она в детстве приходила к нему в кабинет, влезала с ногами на кресло и, уткнувшись в его плечо, шептала: «Папа, я соскучилась! Поиграй со мной!»

Он вспоминал это так ясно, будто все произошло накану-

не. И вдруг понял, что Надежда такая же дочь своей матери. И наверняка ее мать так же страдает по своей дочери, находясь вдали.

Надя зашла в бар примерно через час. Увидев Ласло, не подала виду, что удивлена или обрадована, хотя на самом деле она испытала и то и другое. Ласло жестом пригласил ее к своему столику.

— Здравствуйте! — поздоровалась она первая. — Я могу украсить ваш вечер?

— Надежда! — Ковакс был полон решимости. — Сколько тебе нужно денег, чтобы вернуться домой?

— Странный вопрос! — абсолютно безэмоционально ответила Надя. — Билет на самолет стоит примерно семьсот тысяч вон. Но я не собираюсь возвращаться домой. Там я заработаю только на оплату коммунальных услуг, и может быть, еще куплю маме пару пипеток.

— Почему пипеток? — опешил Ласло.

Надежда пожала плечами:

— Потому что больше ни на что не хватит.

— Да откуда ты знаешь?! — повысил голос Ласло. — Ты хоть попробовала, прежде чем… сюда… податься?! — голос его срывался от чрезмерного волнения.

— Вы что это на меня кричите? — возмутилась Надя. — Я целый год работала санитаркой в отделении грудной хирургии, где лежала мама, чтобы быть к ней поближе, с врачами разговаривать, с санитарками договариваться. Одна из

медсестер мне и предложила сюда приехать. Мы с ней вместе здесь: и в баре работаем, и в одной квартире живем.

— И что? — спросил Ласло. — Тебе не хватало денег, когда ты работала?

Надя фыркнула:

— Нет! Хватало! И еще оставалось на розовый Мерседес и на Гавайи съездить.

У Ласло так вытянулось лицо, что Наде стало жалко мужчину. Не понимают иностранцы специфики жизни русских, но и что-то объяснять ему девушке совершенно не хотелось.

— Так! Ладно, проехали. Домой я не поеду, билет мне не нужен! Что-то еще хотите знать? Если нет, то можно я пойду, или закажите что-то, желательно подороже. Если клиент возвращается, то хозяин не поверит, что вы пришли спросить у меня, что я ела сегодня на завтрак.

— Но я и не спрашивал! — удивился Ласло.

— Боже! Какие же вы тупые! — сказала Надя по-русски, а на английском повторила: — Закажите снова хотя бы шампанское и фрукты, тогда я смогу с вами посидеть, не вызывая подозрений у бармена и охраны.

Ласло исполнил просьбу Нади и повторил свой вопрос:

— Сколько ты хочешь денег, чтобы уехать отсюда навсегда и прекратить заниматься тем, что ты делаешь сейчас?

Надя усмехнулась, и в этой усмешке было столько горечи, что Ласло замер.

— А вы правда думаете, что это — как билет в кино? Ку-

пил, вышел, забыл? Даже если я завтра улечу отсюда, разве это что-то изменит? Разве я вернусь той, кем была? — она взглянула ему в глаза. — Вы не представляете, что остается внутри, даже когда снаружи вроде бы все чисто. А у меня и снаружи не чисто.

Глава 3

Надя недоуменно посмотрела на Ковакса:

— Нам с мамой нужно жить! Вам это понятно? Вы же умеете считать деньги! Вот и посчитайте, сколько нам нужно, чтобы жить.

— Надя! Я готов и хочу, чтобы ты прямо сейчас ушла отсюда. Вставай! — поднявшись сам, Ковакс решительно и даже слегка грубовато подтянул Надю за локоть.

Она встала и прошипела ему в лицо:

— Послушайте, мистер, как там вас! Идите-ка вы… — Надежда еле сдержалась, чтобы не послать Ковакса по-английски, но сделала это по-русски, надеясь на то, что иностранец не поймет.

— Надежда! — Ковакс вцепился в девушку мертвой хваткой. — Ты можешь обзывать меня как хочешь. Пошли со мной. Хотя бы сегодняшний твой день я могу купить?

Надя вытаращила глаза и хотела отказаться, но подумала: «Почему бы и нет? Он не будет ко мне приставать, накормит, наверняка даст денег, раз так настроен!»

— Хорошо! — сказала она вслух и назвала сумму, которую он должен заплатить за нее в баре и сколько дать ей, чтобы она ушла на весь вечер без ущерба.

Когда странная парочка выходила из бара, то многие сидящие за столиками мужчины прицыкнули и сказали вслед:

«Отличный выбор!»

На улице Надя вдруг превратилась в обычную девушку, и многим прохожим могло показаться, что это прогуливаются отец с дочерью. Ковакс тоже был блондином, а таких парочек на окраине Сеула было не так уж и много. Тем более приезжие европейцы стремились заводить отношения в основном с девушками азиатской внешности.

— Надежда! — начал Ковакс.

Девушка не перебивала его. К чему? Он оплатил ее рабочий вечер с лихвой. Пусть теперь говорит все, что ему вздумается.

Он и не болтал без толку. Ласло говорил размеренно, искренне, и в этих простых, чуть сдержанных интонациях Надя уловила что-то, что давно перестала слышать — заботу. Не ту фальшивую, притворную, за которой всегда прятался интерес, а настоящую. Как у врача, что склоняется над пациентом, чтобы не напугать. Как у того редкого прохожего, что, увидев чужую беду, не проходит мимо.

Надя шла рядом с Ласло, наслаждаясь прогулкой. Весна вступала в свои права, а Надя очень любила это время года.

— Признаюсь честно, — продолжил Ковакс, — я делаю это для себя! Не для тебя. Не отказывайся. Это мое возмещение дочери. Прошу тебя!

Надя хотела спросить: «Причем тут я?»

Но передумала, внутренне махнула рукой и перестала вообще обращать внимание на Ковакса. Девушка вдыхала аро-

маты весны и свободы. Пусть такой короткой, на несколько часов, но последнее время Надежда умела брать от жизни то малое, что она ей предлагала. Надежда окунулась в свои мысли и мечты. Ковакс не смолкая что-то говорил.

— Ты меня слушаешь или нет? — вдруг спросил он, нагло ворвавшись в её мысли.

Надя посмотрела на него так, словно впервые видела.

— Слушаю, конечно!

— Так ты согласна? — спросил радостно Ласло.

— Согласна на что? — осторожно поинтересовалась Надя. Ласло недовольно повторил:

— Съездить к твоей маме хоть на несколько дней! Сколько вы не виделись?

— К маме? — выдохнула Надя, и слезы вдруг неконтролируемо потекли из глаз девушки.

Она внутренне прикрикнула на саму себя, но сердце не слушалось, оно ликовало. Эмоции зашкаливали, Надя еле успевала дышать.

— Мы не виделись больше года, — прошептала она. — Зачем вам это? — спросила она. — Что вы хотите взамен? Я не верю в такие подарки.

— Я бы и сам не поверил, скажи мне кто-то неделю назад, что я буду предлагать незнакомой девушке большие деньги. О! — Ковакс поднял указательный палец. — А она будет отказываться.

Ласло расхохотался и продолжил:

— Обычно у меня просят денег, а я не даю. А вот такого у меня еще не было: я умоляю взять, а у меня не берут. Может, передумаешь? — с надеждой в голосе произнес Ласло.

— Господин Ковакс…

— Можно просто Ласло… — перебил он ее.

— Господин Ковакс! — твердо повторила Надя. — Извините! Не могли бы вы озвучить условия еще раз. Я плохо понимаю английский, — выкрутилась Надя.

— Ты хитрая, но мне это нравится, — расплылся в улыбке Ласло. — Это хорошо для бизнеса. Я оплачу твоему работодателю за десять дней твоего отсутствия. Разумеется, что я оплачу и тебе эти дни. Куплю билет в оба конца, и мы вместе с тобой полетим в Княжеск.

— Вы-то зачем? — не поняла Надя.

— Бизнес трип, — соврал Ковакс.

— В Княжеске нет аэропорта, — тихо промолвила Надя.

Ласло радостно улыбнулся, а Надя не стала сдерживаться и рассмеялась.

…Через две недели они сидели в самолете. Перелет предстоял долгий, а хлопоты, чтобы он состоялся, были очень сложными. У Ласло Ковакса не было российской визы, и ему пришлось немало постараться, чтобы она появилась. Пришлось задействовать все свои наработанные за годы связи. И вот они летят.

Надя мгновенно уснула, во сне ее лицо стало другим — спокойным, почти счастливым. Ковакс с удивлением смот-

рел на девушку, которая все больше огрызалась, как раненый зверек, а теперь — спала, словно в детстве, в маминой постели.

Тем временем у Ковакса появилась возможность расслабиться и поразмышлять над тем, в какую же авантюру он влез по собственной воле, хотя думать об этом, конечно, нужно было раньше.

«Зачем я лечу с этой девочкой? Если хотел помочь, то пусть бы летела одна!»

Мысли и образы неслись в голове — не догонишь!

Коваксу не хотелось признаваться даже самому себе, что он не поверил Наде до конца. Он повидал много изощренного обмана на своем веку, и ему не хотелось в очередной раз разочароваться у крайней черты.

Никаких дел, связанных с бизнесом в России, а тем более в небольшом городке Княжеске, у Ласло не было и быть не могло. Он занимался поставками серьезного оборудования на огромные заводы. А ехал он исключительно, чтобы убедиться в искренности Нади.

Он почти был уверен, что мать абсолютно здорова, но, конечно же, прикинется по просьбе Нади больной; и точно не было никакого погибшего брата и, тем более, повесившегося отца. Логика Ласло была железной, выстроенной на опыте и годах недоверия. Но чем ближе был самолет к цели, тем настойчивее стучалась мысль: а вдруг она не врет? А вдруг эта хрупкая девочка действительно живет на обломках жизни и

не ждет подарков от судьбы — а просто ищет шанс? Один-единственный. Как Валери когда-то в детстве просила у него — побыть рядом, хотя бы немного дольше…

Ласло очень не терпелось узнать, что придумает Надя, чтобы выкрутиться. Пойдет в аэропорту в туалет и сбежит? Или завезет его в какую-нибудь трущобу и бросит там?

Но Надя не отпросилась в туалет, и из такси они вышли вместе около задрипанной, очень старой, давно не ремонтированной деревянной двухэтажки. Коваксу было страшно подниматься по ветхой лестнице на второй этаж. Ему казалось, что она рассыпется прямо под ним.

Все оказалось еще хуже, чем рассказывала Надя. Она не упомянула, что жили они с мамой вдвоем в крошечной комнатке без личной кухни и с туалетом на восемь семей. Собачья будка во дворе у Ласло была просторнее. Душа не было даже на этаже, и на вопрос Ковакса на ломаном русском:

— А где вы моетесь?

Надя и ее мама переглянулись и в один голос ответили:

— В бане.

Мама Нади оказалась хрупкой, очень худенькой женщиной с прозрачной бледной кожей, огромными глазами и не менее огромными синяками под ними. Она казалась едва ли чуть старше самой Нади. Встреча матери и дочери была такой трогательной, что Ковакс намеренно закашлялся, достал платок и вытер лицо. На самом деле мужчина очень растрогался и не желал показать свои слезы. Эти женщины тронули

в нем что-то очень древнее, человеческое и незащищенное. Он снова вспомнил свою Валери.

Мать, Татьяна, расплакалась, увидев дочь, и все приговаривала:

— Дочуня моя! Дочуня! — шептала она, будто боялась, что Надя — только видение, которое исчезнет, если сказать громче: — Солнышко мое, радость моя! Как же я соскучилась по тебе. Надюша! Приехала.

— Мама! — выдохнула Надя, и губы ее задрожали. Она шагнула вперед — неуверенно, как во сне, — и в следующую секунду они уже крепко обнимали друг друга, прижимаясь так, будто хотели склеить обратно все разбитые годы разлуки.

— Ты приехала… Господи, ты правда приехала… — Татьяна гладила дочь по волосам, по щекам, словно не веря, что это реальность. Она рыдала навзрыд, не в силах больше сдерживать боль и радость. — Мое солнышко, моя Наденька… как же я ждала, как молилась…

— Мамочка… родная моя… я с тобой… я дома…

Слезы текли по лицам обеих, как теплый весенний ливень после долгой засухи. Они не замечали ничего вокруг, ни бедной обстановки, ни чужого взгляда — были только они, две женщины, которых жизнь долго и жестоко держала врозь.

Через несколько минут Татьяне вдруг стало трудно дышать, она присела на подобие дивана, кроме которого в комнате стоял еще небольшой столик и два стула. Женщина от-

куда-то извлекла тубу с таблетками и вытрясла одну. Надя кинулась к подоконнику: там стоял термос и стакан. Девушка налила воды и поднесла матери. Надя не отрываясь смотрела на мать, слезы катились по щекам обеих женщин.

Ковакс был в шоке, он не мог вымолвить ни слова.

— Простите, господин Ковакс! — уже более ровным голосом проговорила Татьяна. — Мне вас даже усадить некуда, чтобы угостить чашкой чая.

— Давайте поедем в ресторан! Надя, в лучший ресторан города, — опомнился наконец Ковакс.

— Господин Ковакс! А вы где остановились? — перебила его Надя.

— Я пока нигде не остановился! — Ковакс только сейчас понял, что он не позаботился о ночлеге. — Я надеюсь, здесь есть отель?

— Есть! — Надя улыбнулась. — Но даже не три звезды.

— Кровать, душ, туалет и перекусить! Остальное не важно.

— Все это есть. Пойдемте я провожу вас! Мамулечка, ты посмотри, я тебе подарки привезла, — Надя нежно обняла маму и поцеловала.

— Наденька, до сих пор поверить не могу. Мне ничего не нужно. Ты — мой главный подарок.

Глава 4

— Потом! Подарки будете рассматривать потом! — запротестовал Ласло. — Надя, не распаковывай чемодан. Я не хочу, чтобы вы даже минуту оставались, — он хотел сказать: в этой «хижине», но не посмел.

Ведь это все же был их дом, в котором прошла вся их жизнь. Плохая, хорошая, но жизнь, которая таила и приятные воспоминания о некогда счастливой семье!

— Татьяна, одевайтесь и берите только самое необходимое! Мы сейчас же переезжаем в отель. При слове «отель» мать и дочь улыбнулись.

Гостиница в Княжеске была единственной и располагалась она на вокзале. В ней оказался даже номер люкс, который был предоставлен маме и дочке, и полулюкс, который Ковакс снял для себя.

— Ну а теперь веди в заведение. Поужинаем, заодно и отметим приезд, — попросил Надю Ковакс.

После сытного ужина Татьяна попросилась в номер:

— Дочуня, ты прости меня! И вы, мистер Ковакс. Столько эмоций сегодня, я хочу лечь. Очень устала. Завтра наговоримся, — будто извиняясь проговорила мать.

— Конечно, мамулечка, иди спать. Я тебя провожу, а мы с господином Коваксом еще погуляем немного. Ведь время всего восемь часов.

Ласло неодобрительно покачал головой: ему хотелось, чтобы по крайней мере Надежда называла его по имени. Он уже давно ощущал себя причастным к этой семье. С Татьяной познакомились пару часов назад, но ведь с Надей уже давно.

Когда проводили Татьяну до гостиницы и остались одни, Надя, слегка помявшись, попросила:

— Господин Ковакс, не могли бы вы не упоминать в присутствии моей мамы о том, где я работаю?

Ковакс вопросительно посмотрел на Надю.

— Я сказала ей, что работаю в Сеуле на заводе.

И Надя вдруг вспомнила свои первые дни там, когда действительно хотела устроиться работать на завод.

Чужие одинаковые лица, презрительные взгляды и озвученные условия: полгода испытательный срок с оплатой чуть выше, чем она получала, работая санитаркой в родном Княжеске. Она вспомнила, как в первое утро вышла на улицу и испугалась: машины ехали бесконечной вереницей, люди не улыбались, не смотрели в глаза, все спешили. И только вечером, когда город чуть успокаивался, ей становилось полегче. Она привыкла ходить вдоль реки, где ветер пах роднее — хоть какой-то воздух, не выжатый из кондиционеров. Но все равно каждый вечер хотелось домой. Хотя бы на полдня, в этот серый Княжеск, где все убогое, но свое, родное.

— И она поверила? — усмехнулся мужчина, выбив ее из безрадостных воспоминаний.

— Не знаю! Не важно! Мы не говорим об этом и делаем вид, что у нас все хорошо.

— Думаю, она все понимает: твоя мать очень умная женщина, — печально проговорил Ласло. — Я согласен, но услуга за услугу.

Надя внутренне сжалась. Что он сейчас попросит? Неужели все-таки то, о чем она уже забыла?

— Надя! Я прошу тебя, не называй меня господином Коваксом. Я бы очень хотел, чтобы ты звала меня по имени. Меня зовут Ласло!

Надя прикрыла глаза, выдохнула и кивнула.

Он с горячностью схватил девушку за руки:

— И еще! Я прошу тебя! Нет, я умоляю! Не возвращайся больше в Сеул! Я все сделаю для вас с мамой. Я куплю вам хорошую квартиру или даже дом, бизнес. Ты будешь зарабатывать. Надя! Я прошу тебя! Почему ты не соглашаешься?

Слова Ковакса будто падали внутрь нее тяжелыми живительными каплями дождя после долгой засухи. Он говорил уверенно, с каким-то благородным нажимом, и Надя никак не могла понять: неужели все это — по-настоящему? Неужели кто-то готов ради нее на такие поступки? Она привыкла жить настороженно, с мыслью, что добро — вещь мимолетная, ненадежная или вообще призрачная. И теперь в голове шумело: «Неужели это искренне? Но почему? Зачем? Я что, Золушка? Но он вроде не принц!»

Увидев убогое жилье Надиной мамы и ее саму, Ковакс

сразу же принял решение помочь этой семье основательно. Он тут же обратился к Богу с молитвой: «Господи, я помогу этим людям, но и ты, прошу, не оставь мою дочь Валери голодной и без крыши над головой. Даже если сейчас у нее все плохо, управь так, чтобы было хоть чуточку лучше!»

Ласло было страшно добавлять: «Если она жива!»

По прошествии трех лет у Ковакса оставалось все меньше и меньше надежды на это. Иногда он думал, что ему было бы легче осознавать, что дочь умерла, и у нее есть могила, куда бы Ковакс мог прийти и поклониться. А иной раз он понимал, что пока он не увидел дочь мертвой, у него остается хоть какая-то надежда.

После смерти жены, а потом после того, что случилось с дочерью, Ковакс стал суеверен: именно поэтому он снова сделал Наде то же самое предложение, думая о своей дочери. Он переживал, что Надежда снова откажется принять его помощь.

Но Надя, задумавшись на несколько секунд, спросила:

— Вы сказали, купите бизнес?

— Да, Надя! Я теперь хорошо понимаю, что вам, как никому другому, нужен постоянный немалый доход.

— Ласло! — торжественно произнесла Надя, и ей понравилась реакция Ковакса на свое имя, впервые прозвучавшее из ее уст: — Я принимаю ваше предложение, но с одним условием!

— Каким? — Ковакс был в замешательстве, он и пред-

ставить не мог, какое условие собиралась озвучить Надежда, хотя и был готов на все, на любые условия.

— Я возьму у вас деньги, — твердо сказала Надя. — Но мы подпишем все бумаги так, словно я беру у вас в долг. И я обязательно отдам вам все сполна. Без процентов! — хитро подмигнула Надежда.

На самом деле она боялась. Боялась не справиться, все потерять, разочаровать и маму, и Ковакса. Бизнес — это не бар, не фальшивая улыбка, которую можно приклеить к лицу, как маску. Это счета, люди, поставки, налоги — все, что ей было чуждо и непонятно.

Но Надя уже давно поняла: лучше бояться, чем опускать руки. И потому добавила негромко, почти шепотом:

— Но вы… вы ведь не исчезнете? Вы же поможете, если я запутаюсь? Хоть советом?

Ковакс смотрел на нее так, как не смотрел давно никто. В его взгляде было не превосходство, не презрение, не похоть и не жалость, а что-то похожее на уважение.

— Я рядом, Надя. Пока ты захочешь — я буду рядом, и я согласен на твое условие — отдашь, когда посчитаешь нужным! — Ласло протянул Наде руку. Она тут же подала свою и мельком взглянула на его пальцы. Широкие, ухоженные, и все-таки — с мозолями на фалангах. Значит, не все в его жизни решали деньги. Было в этом человеке что-то притягательное, несоответствующее внешнему образу: как будто под дорогим пиджаком билось не просто сердце мужчины, а

кровоточащее сердце тяжело раненого. Она не знала, откуда взялись эти мысли, но они грели. Стало спокойнее, словно он действительно сможет защитить. Хоть немного.

Надя вспомнила, как когда-то давно она услышала разговор мамы и ее подруги Светланы. Мама с горечью в голосе проговорила:

— Ну хоть небольшой пинок, ну вот хоть щелчок! Ну хоть небольшая, мизерная помощь была бы! Ну чтоб кто-нибудь! Я так устала, Света.

Тетя Света тогда лишь горестно покачала головой и вздохнула:

— Да откуда ж, Танька?! Разве что я тебе настоящий пинок поставлю? Но ты ж не такого хочешь.

— Нет, — ответила Татьяна и горько расплакалась.

Глава 5

…Мама спала в теплом номере гостиницы с легкой улыбкой на губах, где-то на ресницах еще задержались слезы, — не от горя, а скорее, от облегчения. А Надя, все никак не могла прийти в себя. Слишком резко, слишком многое.

Она юркнула под мягкое легкое одеяло, закрыла глаза, но сон не шел. Мысли и образы бежали, перегоняя друг друга. Не сойти бы с ума от таких мгновенных перемен.

Всего несколько дней назад она еще жила в совершенно другом мире: шумном, душном, вымотанном, продажном, гадком. Ежеминутный страх за маму и постоянная тревога: как бы хватило денег. А вдруг снова операция? Тогда точно не хватит.

А теперь… номер люкс, пусть и в Княжеске, бизнес, машина, квартира, будущее — все сразу, будто чья-то чужая жизнь. Или сон? Надя открыла глаза, потрогала прохладную крашеную стену, посмотрела в светлый квадрат окна — она не стала задвигать шторы. Нет, вроде все реально!

Предложение Ласло, пусть и с ее оговоркой, что она все вернет, казалось ей невероятной сказкой. «Это не может быть со мной», — думала Надя.

Ее пугала новая реальность. Она не знала, получится ли у нее. Ведь она никогда не управляла бизнесом, не принимала решений, от которых зависит чужая зарплата или успех дела.

Надя боялась подвести, ошибиться, разочаровать. А больше всего она боялась снова возвращаться в Сеул, или в любое другое место, но с той же целью — зарабатывать снова так же, как она уже зарабатывала почти год.

Но в то же время впервые в жизни Надя почувствовала — у нее есть шанс. Не случайный, не обманчивый, не выданный на время, а настоящий. Осталось только не испугаться до конца, не сбежать, не наломать дров.

Надя вдруг вспомнила тот день, когда впервые увидела маму плачущей. Девчушка тогда только вернулась из школы, мокрая с ног до головы. Она ворвалась в дом, обрадованная, что дома тепло, и тут же замерла: мама сидела на табуретке у окна и тихо утирала слезы пальцами.

— Мам, что случилось?

— Ничего, доченька, просто… устала, — проговорила Татьяна, пытаясь улыбнуться, но уголки губ дрожали.

Потом Надя узнала — в тот день маму уволили. Какое-то время они продержались на запасах: была крупа, картошка, овощи. Но спустя время продукты и деньги закончились, и мама продала соседке свою кожаную сумку, подаренную когда-то отцом. Соседка тетя Галя очень просила ее у мамы. Потом к тете Гале перекочевали мамины серьги и цепочка, Надины часики, кресла купил дядя Сергей — на дачу пойдет…

Потом небольшой просвет — мама занялась бизнесом. А потом снова яма, очень глубокая, темная и страшная. Мама

заболела. И вот тогда Надя поняла, что, оказывается, еще пару недель назад все было просто шикарно, потому что мама была здорова…

С тех пор Надя росла с постоянным внутренним страхом — страхом потерять почву под ногами, оказаться снова у окна, как мама, утирающая слезы. Именно этот страх заставил ее потом идти на многое — молчать, терпеть, соглашаться…

Теперь же, когда Ласло открывал перед ней двери в новую жизнь, этот страх не исчез. Он просто затаился, сменив форму. Теперь он шептал: «Ты не справишься. Ты никогда не вела бизнес. Занимайся лучше тем, что умеешь, — это надежнее».

Но в памяти всплывало и другое: как однажды, в ту же трудную зиму, мама сказала, глядя ей в глаза:

— Главное, Наденька, не бояться. Даже если страшно — иди. Люди, которые идут, несмотря ни на что, все равно приходят к свету.

…Ласло в ту же ночь сидел на краешке кресла в своем полулюксе и крутил в пальцах обручальное кольцо. Оно уже не значило ничего, кроме памяти. Той памяти, что жила где-то под кожей — едва уловимая, но всегда рядом. Все в нем протестовало против нового счастья — как будто оно могло вычеркнуть то старое, утраченное.

Он со страхом понимал, что Надя становилась для него чем-то большим, чем просто девушка, которой он хотел помочь. Она была теперь связана с его судьбой — тонкой, тре-

вожной нитью надежды.

…На следующий же день Ковакс принялся улаживать все вопросы. Он нанял человека в Сеуле, который выкупил Надю у хозяина бара, ведь у нее был заключен достаточно жесткий контракт.

Дальше предстояло решить, какой бизнес купить Надежде. Ласло хотел, чтобы он приносил ей хороший доход, и они с мамой ни в чем не нуждались. Поэтому он нанял двух опытных маркетологов, которые провели немалую работу, результаты которой были у Ласло достаточно быстро.

Исходя из результатов исследований, получалось, что самым доходным был бизнес, связанный с едой и выпечкой хлеба, а также владение бензозаправкой. Последнее Надя отмела сразу же, рассмеявшись:

— Леди Петролеум.

— Почему бы и нет?! — удивился Ковакс. — Отличное название бренда уже придумано. И это очень…

— Нет, — отрезала Надя, — это не для меня. И потом, я в этом ничего не понимаю, не умею водить машину, у меня вообще и машины-то нет.

— Вот же осел! — обругал себя Ковакс. — Как я не подумал?! Молодец! Какая ты молодец! Конечно же, тебе нужна машина. Без машины невозможно делать бизнес. Я хочу, чтобы у тебя была машина, непременно «Форд». Я сам езжу только на этой марке.

Надя чуть не подавилась, они обедали в это время в

небольшом уютном кафе.

— Форд?! Вы с ума сошли, посмотрите на дорогу! Вы много тут у нас «фордов» видите? Вообще, хоть одну иномарку видели?

В это время как назло за окном проехала «Тойота». Она была старой, раздолбаной, но никому не пришло в голову спорить, что это все-таки не «жигули».

— Хорошо, я куплю тебе «тойоту». Да и Япония ближе, чем Америка.

— Вот вы же бизнесмен? — вдруг ни с того ни с сего задала Надя вопрос.

Ковакс кивнул, слабо понимая, куда клонит Надя.

— Богатый, наверное. Хотя, зачем я спрашиваю, и так все понятно.

— Надя… — начал Ласло.

— К чему делать такие вложения? Вы же не знаете, окупится это или нет. Вы же должны быть бездушным и расчетливым.

— Надя, я куплю тебе самую душевую «Тойоту», — не обращая внимания на ее слова, промолвил Ковакс. — Это не обсуждается. Кстати, как добирается мама на процедуры?

— На автобусе, на чем же еще? — удивилась Надежда.

— Вот! — Ковакс поднял палец. — А ты станешь ее возить. Ради мамы, — Ласло пристально посмотрел на Надю.

— Ласло, вы выкручиваете мне руки! Я не планировала покупать машину, квартира нам, конечно, нужна, но маши-

на…

— Кстати, надо искать хорошего риэлтора. У вас тут есть риэлторы?

Глава 6

— Так есть у вас риэлторские конторы в городе или нет? — переспросил Ласло.

— Насчет контор не знаю! — пожала плечами Надя. — А вот моя одноклассница Анжелка Вартанова — риэлтор. Сразу после школы пошла по стопам матери.

— Ты почему не пошла риэлтором? — тут же с досадой спросил Ковакс.

— Да не мое это, — скривилась Надя.

Ласло вскипел и хотел спросить: «А спать с разными мужиками — твое?»

Но вовремя сдержался.

— Да и заработки у них: то пусто, то густо, — словно прочитав его мысли, ответила Надя. — А мне нужен бесперебойный источник доходов. Помню были времена: у Анжелкиной мамы месяцев пять не было сделок. У всех тогда назанимали денег…

Надя горестно покачала головой: видимо, воспоминания о тех временах были весьма безрадостные.

«Да, — подумал Ковакс, — первая древнейшая действительно дает бесперебойный поток доходов!»

— Звони своей подруге. Я надеюсь, у нее уже есть сотовый телефон?

— Конечно, обижаете. Анжелка самая первая в городе хо-

дила с телефоном, с эдаким кирпичом килограмма на два.

Надя рассмеялась, Ковакс подхватил.

«Она еще совсем девчонка», — с тоской подумал он.

Уже тем же вечером пред ними предстала Анжела Вартанова. Девушка была из породы тех армянских красавиц, мимо которых ни один мужчина не пройдет, не обернувшись. Здоровая, крепкая, полная, она с юности гордилась своими формами: крутые бедра, тонкая талия, тяжелая коса цвета воронова крыла — эталон армянской женственности. Лицо круглое, с высокими скулами и черными как смоль глазами.

Идти с ней рядом по улице было все равно что прогуливаться с моделью — взгляды мужчин прилипали со всех сторон. Она же, безумно удивленная другом Нади, как его представила подруга, шла широким шагом, ни на кого не обращая внимания. Анжела собиралась показывать квартиры странной парочке.

«Вот же Надька дает, тихоня наша, — с завистливым восхищением думала Анжела, покосившись на высокого иностранца с сединой на висках. — Такого папика себе отхватила, да еще чтобы не просто гулять, а дома покупать, машины… Молодец, чертовка! Глядишь, и мне перепадет… Надоел этот Генка, только пиво жрать умеет да на диване сутками валяться».

Анжела окинула Ласло оценивающим взглядом, прикидывая, что сама бы на месте Нади не отказалась от такого варианта. Красив, богат, солиден, и, судя по глазам, человек

порядочный. Староват, правда! Да и ладно! Вон Геннадий у нее молод, и что? Проку как от козла молока.

Ласло обстоятельно подошел к вопросу приобретения жилья. Он выяснил у Анжелы через Надю, риэлтор не говорила по-английски, какой район в городе самый престижный, где меньше всего развита преступность, какие дома и планировки самые дорогие и удобные.

Разузнав все подробности, он отмел напрочь идею купить квартиру и решил, что купит женщинам дом, тем более Анжела рассказала о том, что на окраине города построены и уже продаются дома в коттеджном поселке.

В течение недели была оформлена покупка замечательного трехкомнатного дома с большой верандой, собственным садиком и огромным подвалом. Татьяна и Надежда были на седьмом небе от счастья.

Ласло хотел с размахом обставить дом, но Надя категорически отказалась:

— Нам роскошь ни к чему. Вполне подойдет простая, но добротная, самая необходимая мебель. Я и так должна вам уже столько, что не представляю, как буду рассчитываться.

В результате в кухне появился скромный гарнитур, стол и четыре обычных табурета. В гостиной диван, два кресла и телевизор. В спальнях женщин по кровати и по комоду. Общий шкаф поставили у Татьяны, ее спальня была больше. Ласло уговаривал купить два шкафа, но Надя все-таки отстояла свое право самой распорядиться количеством мебели.

— Хорошо, — согласился Ковакс, — но позволь мне сделать вам хоть небольшой подарок. За него не нужно будет возвращать деньги.

— Что вы задумали? — испугалась Надя. — Какой еще подарок? Ничего не нужно!

— Я куплю плетеную мебель на веранду и в сад. И качели. Непременно.

Ласло не представлял себе сад без качелей. И он вдруг отчетливо понял, что собирается бывать у Нади и Татьяны в гостях.

Мужчина с грустью вспомнил, как любила его покойная жена Илка кататься на качелях. Она часами могла сидеть, покачиваясь, с книгой или чашкой кофе, иногда просто закрывала глаза и улыбалась, подставляя лицо ветру.

«Как легко тогда было жить… — подумал он. — Илка любила каждую мелочь, каждое мгновение. Она бы обрадовалась за меня сейчас. Сказала бы: «Не зарывайся в одиночестве, Ласло…»

От этих мыслей в горле сдавило.

— Да, качели! Добротные, деревянные, — повторил он.

Надя с сомнением пожала плечами, зато Татьяна обрадовалась:

— Качели! Какая красота. Я так мечтала о даче, а это будет лучше чем дача. Будем сидеть вечерами, чай пить. М-м-м, самовар купим.

Вообще женщина сильно изменилась за эти дни. У нее за-

блестели глаза, появился румянец, и свою таблетку с теплой водой она пила все реже.

С каждым днем Татьяна словно расцветала. Взгляд стал ясным, даже походка изменилась — стала уверенной, твердой. Измученная болезнями женщина будто сбросила лет десять.

— Мам, да ты моложе меня теперь выглядишь! — в шутку сказала Надя, но в голосе звучала настоящая радость.

Через две недели торжественно переехали в дом. Надя встала посреди своей комнаты и не верила своим глазам: теплый тон стен, запах свежей краски, за окном уютная веранда с коваными перилами…

Татьяна же тихо плакала, ходила по комнатам, гладила стены как живое существо и тихо приговаривала:

— Вот же как сложилось! А кто бы знал? Счастье-то какое — доченька рядом, и дом есть. Думала, не увижу уже такого. Теперь и умереть не жалко! — шептала она, чтобы Надя не слышала.

Ласло пригласили переехать вместе с ними.

— Ну что вам в неудобном номере торчать в гостинице? — увещевала Татьяна.

Но он категорически отказался от предложения переехать в дом, потому что уже тогда понимал: если согласится — сгорит дотла.

— Нет, нет! Да я и не торчу там. Я же все время с вами, а туда только спать.

— Вот и спите у нас! Места теперь много! — Татьяна любовно погладила мягкую бархатную обивку дивана.

— Спасибо вам, Татьяна. Но нет, — твердо ответил Ковакс. Больше к этой теме не возвращались.

Ему было страшно признаться себе, что Надя стала для него больше, чем просто девушка, похожая на Валери. Она младше его на двадцать лет, почти ровесница собственной дочери…

«Глупо, — уговаривал он себя. — Ты ей в отцы годишься, оставь это!»

Но сердце упрямо молчало, сжимаясь при каждом взгляде на Надю.

…Между тем не забывали присматривать и кафе. Посредством длительных обсуждений и разговоров пришли к выводу, что надо открыть подобие советской столовой с простой русской ездой: борщом, котлетами, пельменями, жареной картошкой с луком и салом, квашеной капустой, компотом. И главное, чтобы было всем доступно. И помещение надо купить на трассе.

Примерно в это же время пришла машина для Нади. Как Ласло умудрился провернуть все так быстро? Молчал. Но Надя понимала, что сумму за машину он сильно занизил.

— А водить-то ты умеешь? — вдруг спохватился он.

Надя покачала головой и рассмеялась:

— Но у нас можно легко купить права. Ну или в соседнем Казахстане. А ездить вы меня научите. Верно?

— Как это купить права? — не понял Ковакс.

— Долго объяснять! Купим, да и все. Учить будете?

Ласло в замешательстве кивнул.

…Надя оказалась ловкой студенткой и через три дня уже сносно водила, хотя обучение вождению оказалось для Ласло настоящим испытанием: у него не было таланта преподавателя.

Глава 7

По трассе решили проехать десять километров на восток и столько же на запад, чтобы присмотреть подходящее помещение под столовую.

Нашли быстро. Примерно в трех километрах от города стояла заброшенная столовка. Рядом с ней отстроили заправку, открыли пару ларьков, где продавали сигареты, напитки, газеты, а на это здание почему-то никто не позарился.

Видимо, никому и в голову не пришло открыть кафе или столовую за три километра от города. Но ведь многие водители проезжали мимо, не заезжая в город. Вот на них и сделал расчет Ласло. Он был абсолютно уверен в том, что столовая с простой, доступной и вкусной едой быстро станет любимой у шоферов.

Трасса гудела бесконечным потоком большегрузов. Старое здание стояло чуть поодаль от дороги, словно забытое временем, с облупившейся штукатуркой, но добротное, крепкое. Рядом блестела новенькая заправка и недавно покрашенные ларьки, около них почти всегда толклись водители.

— Вот тут и будем кормить людей, — уверенно сказал Ласло. — Мимо точно не проедут.

Владельца заброшки нашли без труда, так же споро уладили и вопрос с покупкой здания. Ласло довольно-таки про-

сто собрал все документы по всем инстанциям на открытие столовой, и дело пошло…

Ремонт, оборудование, мебель, персонал…

— Ласло, — как-то обратилась Надя к своему благодетелю, — а вам разве не нужно домой? У вас же бизнес?

— Ну во-первых, бизнесом хорошо занимается Милош, мой сын, а потом у нас есть отличный, проверенный временем управляющий. Кстати, и тебе нужно нанять грамотного человека, а главное — верного. Ты ж в этом деле ни бум-бум?

Эти два слова Ласло сказал по-русски и рассмеялся.

А еще он вдруг обнял Надю и прижал к себе. Это случилось неожиданно даже для него самого. От этого движения обоим стало неловко. Мгновение, и он будто потерял счет времени — так сладко было чувствовать ее близость. Но тут же отшатнулся, словно опомнившись.

— Ни бум-бум! — подтвердила Надя, осторожно отстранившись от Ковакса.

Ему тоже стало неловко, он смущено прошептал:

— Извини.

Ласло все еще отказывался признавать тот факт, что он уже давно любит Надю. И не как дочь…

Надя же застыла в растерянности. Ей было беспокойно: она ценила Ласло, уважала, была ему благодарна, но не хотела иного.

— Пожалуйста, не надо… — тихо сказала она, избегая его

взгляда.

И оба сделали вид, что ничего не произошло.

— Так есть у тебя знающий и верный человек? — повторил вопрос Ласло.

Надя задумалась на секунду и вдруг вскрикнула:

— Есть такой человек! Тетя Дуся. Думаю, если предложить ей хорошую зарплату, она станет у меня работать.

— Тетя Дуся? — смешно повторил Ласло по-русски, наморщив лоб. Русские слова ему давались с трудом, но он уже сносно говорил некоторые.

Надя рассмеялась.

— Да! Она была у нас в школе поварихой. Я до сих пор помню ее пирожки, коржики, песочники, язычки, котлеты! Ой, да вы ничего не понимаете! — махнула рукой Надя. — Когда будет готова кухня, мы ее позовем и попросим напечь пирожков. Вам понравится, я уверена.

— Так это повар! Тоже важное лицо на кухне, но тебе нужен управляющий. Ведь ты же ничего не смыслишь в этом деле, ты просто хозяйка. Тебе нужен человек, который во всем разбирается: может закупить продукты или заключить договора на их поставку, кто знает, как оплатить труд работников, ну и другие очень важные нужды. Я и сам толком не знаю этой специфики.

Надя расстроилась:

— Ну вот! Я так и знала! Ну конечно! Я ничего в этом не смыслю. Я не смогу, у меня не получится.

Она поймала себя на мысли, что до сих пор не верит в собственные силы. Казалось бы — место есть, люди хорошие, помощники находятся, а внутри все равно сидит тот самый страх со школьных времен: «не справлюсь, не получится».

Словно каждый шаг сопровождается голосом из прошлого: «Ты куда полезла, Надька? Это не твое дело». И только когда рядом стоял Ласло, этот голос притихал. Он ничего ей не обещал, не уговаривал, но своим спокойствием как будто передавал ей уверенность: «Ты сможешь. Я в тебя верю». И Надя, сама того не замечая, начинала верить тоже.

Коваксу захотелось обнять и прижать к себе эту девчушку, ему захотелось ее… поцеловать. Усилием воли он подавил в себе это желание и сказал:

— Надо искать. Спроси у той же Анжелы. А еще подруги у тебя есть? А у твоей мамы?

— Да, конечно, — кивнула Надя. — У нас есть подруги и есть знакомые. Надо подумать, кто бы мог нам помочь.

Решение пришло само собой. Вечером за ужином, уплетая щи, которые так вкусно сварила Татьяна, Надя рассказывала матери о том, как прошел день.

— Мам, кто нам может помочь? — задала вопрос Надя.

— Так Зойка. Она ж всю жизнь в ресторане проработала. Завпроизводством была. А ты думаешь, откуда у нее дом, машина? Знаешь, как завпроизводством в советские времена жили?

Надя нахмурилась.

— Получается, что тетя Зоя воровка? А мне зачем такая? Мам, прости, но тетю Зою нам точно не надо.

— Да ты пойми, Надя, не было раньше хозяина рачительного. Все принадлежало государству. А государство — это кто? Никто. Вот и тянули почти все: кто что мог.

— И ты мам? Ты же тоже в торговле работала.

Татьяна смутилась:

— И я, Надюша. Хлеб у нас в доме всегда был бесплатный, — Татьяна опустила голову. — О том, как я все тащила, ты можешь понять по нашему убогому жилью, из которого нас с тобой Ласло перевез сюда.

Когда мама упомянула про «хозяина рачительного», Надя вдруг подумала о времени. О том, как все вокруг будто перевернулось: вчера люди тащили с работы «что плохо лежит», потому что иначе не выжить, а сегодня это уже стало почти преступлением.

Кто изменился — люди или время? Ей стало горько за мать, которая не умела жить по-другому. И вдвойне больно, что именно сейчас, когда появилась возможность жить честно, мама сама в себя уже не верила. «А я должна научиться верить», — твердо решила Надя.

…Ковакс, присутствуя при этом разговоре, не понимал ни слова из того, о чем говорили женщины, но он не вмешивался и не смел просить перевести. Мало ли о чем могут говорить мать и дочь. Но он видел, как расстроилась Татьяна и как вдруг стало стыдно Наде.

— Мам, ладно, ты прости меня. Я не хотела тебя обижать. Зоя отпадает. Кто еще?

— Ну тогда Иван Петрович, - вдруг вспомнила мама еще одного соседа. — Вот уж где комуняка! И сам ничего не возьмет и никому не позволит.

— Мама! — вскрикнула Надя обрадованно. — Точно! А как же я сама не вспомнила о нем?

— Он на пенсии. Свободен. Дачу продал, да и Алевтина будет рада.

…Через неделю штат был укомплектован. На кухне орудовала тетя Дуся. Она смущаясь попросила себе одну помощницу.

— Это пока объемы небольшие, Надька. А потом, может, и еще одну надо будет.

Надя испуганно посмотрела на повариху:

— А вы думаете наши объемы увеличатся?

— А ты что ж, начинаешь дело и не веришь?

Надя покачала головой:

— Если честно, теть Дусь, то не особенно.

— А зря, надо верить.

— Ну так почему ж тогда эту столовку хозяин забросил?

Тетя Дуся пожала могучими плечами:

— Какая нам разница, почему ее забросил он? Главное, чтобы мы ее не забросили.

Когда тетя Дуся заговорила о вере, Надя поняла, что это не просто разговоры. Для Дуси вера в успех — как соль к су-

пу: без нее блюдо получится пресным. И именно такие простые, настоящие люди могли вытянуть это дело.

«Вот бы мне научиться думать так же», — мелькнула мысль.

Глава 8

Производством занялся Иван Петрович. Он в первый же день поехал за продуктами на «каблуке», который пришлось купить, как не брыкалась Надя.

— На чем будешь продукты в столовую доставлять? — задал резонный вопрос Ласло.

«Каблук» нашел Иван Петрович и по достаточно сходной цене. Помощницей на кухне стала его шестнадцатилетняя внучка Майя.

Она же согласилась мыть посуду и прибирать в столовой после посетителей.

Меню на первый день работы столовой разрабатывали очень тщательно. Ругались, чуть ли не подрались.

Ласло тоже принимал участие. Он успел полюбить некоторые русские блюда.

После жарких споров решили остановиться на борще, пельменях, винегрете и компоте.

Надя нервничала, даже не столько из-за меню, сколько из-за всей этой затеи. Чем ближе был день открытия, тем более беспокойной становилась она, и никто: ни мама, ни Ковакс, ни закадычная подруга Анжела, не могли ее успокоить, как ни старались. Видя, как сильно она переживает, Ласло даже как-то заверил:

— Если ничего не получится, считай, что это был мой тебе

подарок.

От этих слов стало не спокойнее, а еще страшнее.

«Он тоже боится!» — вот какой вывод сделала Надежда.

Все происходило невероятно быстро. Как в сказке. Еще пару недель назад она не представляла, как повернется ее жизнь, да и повернется ли вообще. С чего бы? Ей казалось, что этот мерзкий бар в Сеуле — это и есть ее жизнь на ближайшие годы.

А теперь вот родной город, трасса, столовая, близкие люди, ответственность перед ними, долг Коваксу. Вечерами, уже лежа в своей мягкой уютной кровати, она спрашивала себя, не поторопилась ли, не увлеклась ли чьей-то мечтой, приняв ее за свою.

Но утром, когда она видела прекрасно выглядящую маму, готовящую завтрак, то понимала, что все сделала правильно.

…С вечера Петрович, которого с первого дня принялись называть именно так, и даже Ласло научился выговаривать, привез все необходимое для приготовления обедов, а в пять утра тетя Дуся начала готовку.

Надя была тут же, на кухне. Она слегка трясущимися руками чистила картошку, морковь, лук, резала винегрет. Ласло на кухню не пустили. Он сидел в небольшом зале, в котором пока стояло только три симпатичных деревянных стола, но места еще было достаточно.

Ласло вертел в руках записную книжку. Он записывал туда идеи — где бы раздобыть симпатичные светильники, ка-

кие можно постелить скатерти, как оживить стены. Это было непривычно — ведь он никогда этим не занимался.

Ковакс окинул взглядом столовую: а вроде все получилось. Выглядело симпатично, и, оказалось, что ему очень нравится заботиться о чем-то именно таком: уютном, семейном, домашнем. Не экспорт, не закупки, не переговоры. А картины, посуда, ремонт, дизайн.

Зал был стилизован под деревенскую кухню. Все деревянное: столы, табуретки, стеновые панели, в углу старинный буфет — отдала тетя Дуся, белые занавесочки-задергушки, часы-ходики — притащил Петрович.

К одиннадцати часам обед был готов. Но машины проносились либо мимо, либо останавливались ненадолго: шофера выскакивали, покупали сигареты или напитки и сразу уезжали. На столовую никто не обращал внимания.

— Ах я ж дурак! — сообразил Ласло достаточно быстро. — Реклама. Где реклама? Кто знает, что здесь теперь вкусно кормят?

Надя лишь хлопала глазами, как и все остальные. Слово «реклама» еще не вошло так прочно в жизнь провинциального городка.

— Мы сделаем листовки, я сам нарисую схему проезда, и щит у дороги будет. Люди должны знать, куда заезжать, — Ласло говорил с азартом.

В такие моменты в нем просыпался настоящий венгерский купец — с огоньком, с фантазией, с верой в удачу. Надя

смотрела на него с удивлением и восхищением: ей казалось, он не просто помогает — он все-таки верит в это дело.

— И дальше — название, — продолжил он с запалом. — У нас просто столовка. Это неинтересно. Как назовем?

— У бабы Дуси, — ляпнула Надя и прикрыла рот рукой. — Ой, простите. Вырвалось само собой.

— Вот правильно, дочка, говоришь. Помнишь, как вы говорили: «А пошли к бабе Дусе за пирожками»? — встряла тетя Дуся. — Ага! Мне пятьдесят три года было, а они меня бабой Дусей называли.

— Теть Дусь, простите, — смутилась Надя. — Да, мы вас так называли. А вы, получается, знали?

— Вот и хорошо, а я и не обижалась. Конечно знала! Физика — баклажаном звали, биологичку — кубышкой, физрука — гиббоном.

Надя ещё сильнее смутилась:

— Боже, а они что, тоже знали?

— Конечно, каждый учитель знает свое прозвище.

— Понял, — перебил их Ковакс, не понимая, о чем они говорят между собой. — Вывеска будет завтра, а также листовки и рекламный щит на дороге, — возбужденно проговорил Ласло.

Но неожиданный первый посетитель в тот день у них все-таки случился. Это была продавщица ларька Наталья, а в просторечии «Бибиси». Она заглянула в столовую ближе к вечеру.

— Ну что, соседи. Как бизнес?

— Поешьте у нас! — предложила расстроенная Надя. — Будьте первым едоком, — улыбнулась она сквозь слезы.

— С удовольствием, проголодалась. Из дома ничего не взяла сегодня.

Наталья присела за столик, и когда Майя принесла еду, то будто заправский ресторанный критик принялась смаковать борщ, пельмени, компот. Вердикт был прекрасен и предложение тоже.

— За бесплатный обед мне и моей семье берусь предлагать каждому своему покупателю отобедать в вашей харчевне.

— Годится! — тут же согласилась Надежда.

— Подожди-ка, — перебила тетя Дуся, отодвинув Надю. — Сколько ртов у тебя дома?

— Сын только. Семнадцать лет. Но жрет за двоих. Сразу говорю.

— Годится, — снова кивнула Надя. — Порция обеда здесь и две домой, и вы каждому своему покупателю рассказывайте, как у нас вкусно.

— По рукам, — промолвила Бибиси и поднялась.

Через пятнадцать минут в столовую зашел первый посетитель от Бибиси, а следом еще двое. В течение двух часов обед, который готовился из расчета на двадцать человек, был распродан. Двум последним посетителям даже не хватило. Надя ликовала.

…Уже через неделю заказывали еще четыре стола, а через две — еще десять. В помещении разместили восемнадцать столов и пригласили рабочих сколотить навес — впереди было лето. Решили, что можно будет поставить столы и на улице.

…И вот Ласло засобирался домой.

— Надюша, — он с трудом научился называть ее так, услышав, как обращается к ней Татьяна и сотрудники, — дела у нас идут хорошо: посетителей много, даже из города приезжают к бабе Дусе. С брендом ты не ошиблась.

Ласло помедлил, прикрыл глаза и промолвил:

— Мне пора домой, — вымолвил и с тоской посмотрел на девушку.

— Как домой? Когда? Вы что? — Наде вдруг стало страшно.

Будто прочитав ее мысли, он сказал:

— Надюша, ну ты же не одна. Я уверен в Петровиче и в бабе Дусе.

После того, как повесили вывеску, все ее стали звать только так.

— Имидж! — провозгласил тогда Ласло.

— Они тебя не подведут, — продолжал Ласло. — Иначе я бы не уехал. Столовая на верном пути, все будет хорошо. Мама рядом — твоя главная поддержка.

Ковакс хотел обнять Надю, подбодрить, но не смел.

Только сейчас она поняла, как она привыкла к нему, как

ей было спокойно рядом с ним, и она ничего не боялась, понимая, что Ковакс никому не даст ее в обиду.

— Ласло, может, вы еще останетесь? — с надеждой спросила девушка, чуть не плача.

Он покачал головой.

Глава 9

Они сидели на улице, вечернее солнце бросало длинные тени на шумную трассу. Надя чувствовала, что вот-вот заплачет, но сдерживалась. Она и подумать не могла, что так отреагирует на отъезд Ковакса. Он чуть наклонился к ней, и она услышала его тихий, почти шепчущий голос:

— Верь в себя! У тебя все получится. Уже получилось. Прибыль за месяц была небольшая, но это пока! Мы же расширялись.

Надя внутренне очень обрадовалась, услышав «мы».

— Обещайте, что вы еще приедете! — она сжала его руку. — Мы ведь еще увидимся, правда? Вы не бросите меня навсегда? А может, все-таки… останетесь? — робко спросила Надя еще раз и посмотрела ему прямо в глаза.

Ему очень хотелось остаться, даже навсегда, но он понимал, что это невозможно. Каждый проведённый день рядом с Надей рвал ему сердце.

Он хорошо осознавал, что ничего невозможно, и не только потому, что она намного младше и не рассматривает его, как возможного партнера, — он видел, что она не готова к отношениям в принципе.

Еще не оттаяла ледышка, спрятанная глубоко слева — там, где должно быть горячее сердце, которое способно любить. Ковакс готов был ждать сколько угодно, пока оно отта-

ет, на ему ли отдаст его Надя?

…Они ехали домой молча. Надя смотрела только вперед, даже временами не бросала взгляды на Ковакса, как это делала обычно. Дорога была пустынна, лишь редкие большегрузы с грохотом проносились мимо них.

— Надюша, — вдруг обратился к ней Ласло, — мне пришла идея. Надо работать и ночью тоже. Необходимо найти еще двух поваров, желательно мужчин, чтобы они работали через день, или даже трех мужчин…

Надя бросила на него радостный взгляд:

— Вы останетесь?

— Нет, Надя. Я уверен, вы управитесь сами. А я… Я должен ехать.

…Татьяна сидела в кресле с вязаньем. Она всегда ждала их, во сколько бы не вернулись. Они долго пили чай, делились тем, что произошло за день, анализировали, иногда спорили, потом Ковакс уезжал в гостиницу. Он ни разу не остался ночевать.

Увидев их, Татьяна улыбнулась, но тут же насторожилась: что-то неуловимое и пугающее было в их напряженных лицах.

— Чай поставлю? — спросила она.

— Татьяна, сегодня не нужно. Я сейчас уеду. Садитесь, пожалуйста, — Ласло говорил мягко, будто шел в темноте на ощупь. — Мне пора домой, Таня… Самолет послезавтра.

Тишина застыла в комнате. Женщина уронила спицы,

медленно повернулась к нему. Лицо ее потемнело, взгляд затуманился.

— Как? Вы… уезжаете? Уже? Но как же? Почему так быстро?

— Разве быстро, Татьяна? — грустно улыбнулся Ласло. — Я здесь почти два месяца. Столовая в надежных руках. Я уверен во всех и спокойно уезжаю домой. Надя справится сама, я уверен, и…

Он не успел договорить. Татьяна вдруг не смогла выдохнуть. Выдох вырвался со страшным сипом. Надя вскрикнула, подбежала к матери, схватила тубу с таблетками, лежащую тут же на столике, трясущимися руками вытряхнула одну, подала матери.

— Мама! Мама, дыши! Давно приступов не было. Ласло, дайте теплой воды! Быстрее же!

Женщина судорожно хватала воздух, лицо побледнело, как полотно. Ласло мигом принес воды и уже держал телефон:

— Набрал! — крикнул он. — Вызывай скорую! — он отдал телефон Наде, а сам присел на корточки рядом с Татьяной, взял ее за руки.

Через двадцать минут Татьяну увезли. Врач сказал строго:

— Острый сердечный приступ. Поэтому ее лекарство и не помогло. Будем наблюдать.

— Я поеду с вами, — сорвалась Надя.

Ковакс то же самое сказал по-английски. Доктор удивлен-

но посмотрел на него и повернулся к Наде:

— Не нужно, — покачал он головой. — Опасность миновала. Сейчас она уже спит. Мы аккуратно перенесем ее в палату, а вот завтра приходите. Будут решать вопрос с госпитализацией, или выпишут. Пусть поспит в больнице. Так спокойнее.

Надя послушно кивнула.

…Она сидела на диване, не двигаясь. Губы побелели.

— Ласло, я прошу вас, пожалуйста, останьтесь сегодня со мной. Мне будет спокойнее, если вы будете рядом. Мне страшно. Понимаете меня? Все всплыло сейчас в памяти. Это ж не первый раз… вот так всегда… сколько раз ее увозили, и я не знала, увижу ли ее снова. Внутри все холодеет. Это плохой признак, это предчувствие…

Ковакс кивнул:

— Останусь, Надюша. Тебе надо успокоиться. Все будет хорошо.

Ковакс несколько раз уже задал себе вопрос: «Почему Татьяна так странно отреагировала на мое сообщение об отъезде?»

— Я вам в гостиной постелю, — Надя выбила его из раздумий.

Он кивнул.

Через несколько минут он остался в гостиной один. Надя ушла к себе. Тишина дома — как в храме. Ласло даже не разделся и не лег.

«Сейчас бы покурить!» — мелькнула мысль. Он бросил давно, когда родился Милош. С тех пор курил лишь дважды: когда не стало Илки, и когда пропала Валери.

Надя так близко, за стенкой… всего пять шагов, и вот он рядом с ней… но нельзя… нельзя…

Она несколько раз вставала, ходила на кухню, видимо, курила, до него доносился запах табака. А ведь Надя бросила курить — только сейчас дошло до Ковакса.

Он услышал, что она прошла к себе, и тихонько вышел из комнаты, прошел на кухню. Так и есть: она курила. Пачка лежала на подоконнике. Ласло вытащил тонкую длинную сигарету, прикурил. Ментоловая. Но так больше и не затянулся ни разу: сигарета прогорела в его руке.

Он чувствовал каждой клеточкой своего тела: вот она — рядом. Теперь еще ближе, прямо вот за этой стеной. Он провел ладонью по гладкой поверхности обоев.

Надя, Надюша! Тонкая, настоящая, нежная, искренняя, сильная…

Все в нем рвалось к ней — сердце, душа, руки. Он закрыл глаза и оперся лбом о холодное стекло окна. Не помогает, ничего не помогает. Нельзя… нельзя…

— Черт возьми… — прошептал он. — Почему ты не моя? Почему нельзя? Почему я так стар для тебя?

Ему казалось, что дом слышит, как в груди у него стучит не сердце, а безумие. Он сжимал кулаки до боли, лишь бы не поддаться. Он мог бы уйти среди ночи, но она просила

остаться… быть рядом. Он нужен ей, и увы не как мужчина.

— Она ведь ребенок… Она раненая птичка. И я должен быть только тем, кто защитит, кто поможет, а не тем, кто сломает и снова разрушит веру в себя.

Ласло прошел в гостиную, все-таки разделся и лег под одеяло. Почти уснул.

Вдруг раздался легкий несмелый стук в дверь.

Ковакс застыл в удивлении.

«Зачем?»

Глава 10

— Ласло?.. — голос тихий, как ветерок. — Можно к вам?..

— Зачем, Надюша? Я сплю.

— Не врите, вы только что курили. Я слышала.

Она зашла, не дождавшись позволения, — босиком, в футболке и трикотажных брюках. Лицо испуганное, глаза блестят от слез.

— Мне так страшно и одиноко, — сказала она еле слышно. — Можно я просто посижу… в кресле рядом с вами? А вы спите.

Он сглотнул и кивнул против воли, она прошла, осторожно опустилась на край кресла, слезы катились по щекам. Она даже не пыталась их вытирать.

Ласло тоже сел на диване, завернувшись в одеяло. Казалось, в комнате стало тесно — не от пространства, от того, как сильно билось его сердце.

— С мамой все будет хорошо! — прошептала Надя, не поднимая головы. — Инфаркта же не будет?

Он вздрогнул:

— Надюша, ты что? Конечно нет, с чего ты взяла? — удивился он, стараясь, чтобы голос был ровным, бодрым, успокаивающим, хотя впору было успокаивать его самого, но по другой причине.

— Врачи рядом. У нее все будет хорошо. Не переживай. Завтра поедем… то есть уже сегодня. Все выясним. Надо будет подлечиться — значит оставим в клинике. Скажут, можно домой — поедем домой.

Она кивнула. Помолчала. Потом спросила:

— Можно я тут посижу… у вас… Мне… не хочется быть одной. Все равно тревожно. Я не могу успокоиться. Трясется все внутри. Ничего не могу с собой поделать. И замирает. Я уж и читать пробовала… нет, не могу… вот и курить опять начала. Противно только стало… и чай пила. Можно останусь?

Он хотел сказать «нет», но не смог. Сердце упало куда-то вниз. Она не понимала, что делает. Или понимала?

— Надюша… — сказал он с усилием. — Пожалуйста, иди лучше к себе. Не нужно. Ты не выспишься в кресле, а завтра у нас тяжелый день. Надо ехать к маме, решать вопросы, потом к Дусе…

Она покачала головой:

— Я могу долго не спать: ночь, две, три… такое бывало. Однажды мы не спали целую неделю. У мамы была бессонница, высокое давление, сердцебиение, задышка, и я не спала вместе с ней.

Они сидели очень близко друг к другу, их разделяло всего два подлокотника: дивана и кресла, а на самом деле — целая непреодолимая пропасть.

Он чувствовал запах ее волос, едва уловимый — как лето,

как мед. Так пахли волосы Валери. Он вздрогнул и сказал себе: «Очнись! Так пахла твоя дочь! Дочь, глупец!»

Он видел все изгибы ее тела, тонкую шею, в нем закипала такая тоска, что хотелось выть. Он любил ее! Любил по-настоящему. По-мужски. По-безнадежному.

А она? Зачем она пришла? К кому бы она пришла, будь в этой семье еще кто-то? К сестре, брату… К отцу!

Она пришла к нему как к отцу. И никак иначе. Она доверяет ему! Она не мыслит о нем, как о мужчине. А разве имеет право отец на что-то другое, чем просто утешить и поддержать?

«Хватит! — заорал он молча. — Она мне не дочь, а я ей не отец! Я хочу ее обнимать, целовать, ласкать…»

Но остался сидеть, хотя мог бы встать и взять на руки… и…

«А что сделает она? Закричит? Ударит? Обзовет самыми плохими словами. Так и будет, Ковакс! Так и будет! А потому — сиди! Просто сиди!»

И он сидел до рассвета. И она сидела. Ближе к восходу солнца, когда птички робко зачирикали в саду, Надя уронила голову на грудь и задремала.

А он прошептал:

— Господи, помоги мне! Дай сил с честью выдержать это испытание!

Ковакс тоже задремал ненадолго, но ровно в семь утра проснулся и притронулся к Наде, чтобы разбудить. Это при-

косновение к любимой пронзило его словно током, он даже одернул руку.

— Надюша, — позвал он. — Пора ехать. Сначала к Тане, а потом к Дусе.

Надя с трудом разлепила глаза, увидев Ковакса, она улыбнулась и прошептала:

— Ласло, как хорошо, что вы со мной. Спасибо вам! Я бы сегодня ночью с ума сошла. Хорошо бы маму выписали!

— Надюша, мы не будем настаивать. Если надо подлечиться — пусть лечат. И позвони, пожалуйста, Дусе — их надо предупредить.

Надя кивнула, легко вскочила с кресла, побежала в ванную.

Камень на сердце Ковакса стал еще тяжелее.

Утро было теплым, хоть и пасмурным — в окно сочился мягкий свет, по подоконнику стекали запоздавшие капли дождя.

Надя, все еще сонная, отправилась на кухню варить кофе.

Они пили кофе вдвоем, молча, как близкие люди, пережившие этой ночью что-то очень важное. Слова были лишними — между ними стояла ночь, полная боли, страха и чего-то еще, недоговоренного, неосознанного.

Ласло смотрел на Надю украдкой, как на ребенка, которого боишься потерять и не знаешь, как уберечь.

Он чувствовал, как внутри нарастает непонятная тревога.

Они ехали в машине молча. Шины шуршали по мокрому

асфальту, мимо проплывали серые дома, палисадники, автобусные остановки.

Сегодня ночью Надя предстала перед Ласло в совершенно другом свете — маленькой, беззащитной, растерянной и одинокой.

«Как мне оставить их здесь совсем одних? Как уехать и делать вид, что ничего не было? Забыть все?»

У него внутри все сжималось. Он не хотел уезжать. Надя снова останется наедине со своей тревогой. Ему было невозможно думать о том, что все навалилось на эту маленькую, слабую девчушку.

Он прекрасно понимал, что красиво вошел в их жизнь и вот теперь собирается жестоко уходить.

Он снова оказался на распутье. Так уже было однажды… И сердце, как и тогда, не подсказывало, куда нужно двинуться.

В больнице сразу разыскали врача: им оказался худой и высокий как жердь, молодой мужчина. Он кивнул обоим и сухо сообщил:

— С Татьяной Тюльпановой все в порядке. Кризис миновал. Я бы предложил остаться еще на пару дней для закрепления результата.

— Мы можем ее видеть? — спросила Надя, замирая.

— Конечно, она в общей палате, — безучастно ответил доктор. — Пройдите прямо по коридору. Палата номер три.

Он махнул рукой в направлении коридора и двинулся по

своим делам.

— Он мне не понравился, — тревожно проговорил Ласло.

— Вы же ничего не поняли…

— А мне и не надо. Он равнодушный к людям. Надо показать Таню другому специалисту. Так, забираем ее отсюда и едем в другую клинику.

— Притормозите. У нас нет другой клиники. Это Княжеск, — Надя очень хотела добавить «детка», но поняла, что при переводе на английский фраза потеряет свой смысл. Да и не хотелось ей грубить Ласло. Ну он же не виноват, что не знает специфики маленьких российских городов.

— Давайте зайдем к маме, все разузнаем у нее. По состоянию! А там поглядим!

Ласло одобрительно кивнул.

Таня встретила их с радостной улыбкой и возгласом:

— Ой, мои хорошие!

А я вас заждалась!

Она села на кровати:

— Надюша, давай домой. Со мной все хорошо. Ну что, первый раз, что ли?

— Мама, в том то и дело, что не в первый. Давай, пожалуйста, посерьезнее.

— Надя, я тебе клянусь. Просто вчера был нехороший день. Дождь прошел, а потом Ласло меня огорошил… ну вот я и не выдержала.

— Мама, Ласло нам не муж и не отец, и он даже не твой

брат. Он должен уехать. Ты что так завелась? До приступа себя довела. Что, теперь еще и сердце?

Ласло стоял рядом, он ничего не понимал, о чем говорит Надя, но ему нравился тон, которым она говорила. Она снова выглядела сильной и умеющей принимать решения.

Он тоже считал, что не стоит разводить нюни. А внешний вид Татьяны ему понравился. Она выглядела неплохо, хотя под глазами снова залегли те же синие круги, которые были, когда он увидел ее впервые, приехав из Сеула.

— Татьяна, — обратился он к ней. — Прошу вас говорить только правду. Вы действительно хорошо себя чувствуете, или нужно делать серьезные обследования?

— Господь с вами, Ласло! У меня все хорошо. Говорю же, погода и ваша новость про отъезд! Я не была к этому готова. Простите меня. Я вас напугала.

— Тогда уходим отсюда немедленно, — Ласло посмотрел по сторонам. — Мне здесь не нравится. Обо всем поговорим дома и про мой отъезд тоже.

Глава 11

Но приехав домой, Ковакс сказал:

— Татьяна, вы отдыхайте, а нам надо к Дусе. Все разговоры потом. Оставим наши личные дела на вечер, — он сделал особый упор на слове «личные».

Женщины послушно синхронно кивнули. На вечер так на вечер.

Надя отвела взгляд в сторону, стараясь не выдать ни дрожи в голосе, ни чуть учащенного дыхания. Сердце билось с глухим напряжением, непонятным ей самой.

У Нади вертелся вопрос: уедет ли он завтра, или решил остаться.

Будто услышав ее мысли, Ковакс сказал:

— Займемся подбором ночных поваров.

«Дело небыстрое, — подумала Надя, — значит остается!»

Тихая радость разлилась у нее внутри.

Последние годы она привыкла справляться одна — без надежды, без плеча рядом. Никто не держал ее за руку, когда было особенно страшно. А сейчас — вдруг кто-то остался. Просто остался. И этим кто-то стал Ласло.

Она вдруг вспомнила, как сказала маме: он нам не муж, не отец и не брат. А кто?

«Кто он нам? Почему я не хочу с ним расставаться вообще никогда? Почему я хочу, чтобы он всегда был рядом? Дружба

между мужчиной и женщиной? Чушь собачья! Никогда не верила и не верю!»

В третьем классе она подружилась с новеньким мальчишкой. Дружили долго, пока вдруг в восьмом классе на новогодней дискотеке он не поцеловал ее. Надя тогда хотела оттолкнуть его, заорать и даже пнуть, но неожиданно поняла, что это ей приятно. Вот тогда-то и началась любовь с Колей Васнецовым.

В десятом классе он стал ее первым мужчиной. Надя не боялась отдаться ему: она безумно любила, и Коля любил тоже. Они договорились, что как только исполнится восемнадцать лет — поженятся.

Сначала восемнадцать исполнилось Коле, день рождения отгуляли шумно. Именно в тот день Надя заметила у Коли едва заметную синюшность над верхней губой, но пропустила мимо. Эх, молодость…

Потом был день рождения у Нади. На следующий же день влюбленные побежали в ЗАГС. Свадьбу назначили на начало октября: готовились обе семьи очень активно — шилось платье, закупались продукты для праздничного стола. Влюбленные были счастливы.

За неделю до свадьбы вечером раздался звонок. Надя сняла трубку. Звонил Колин старший брат Максим.

— Надюша, ты приезжай сейчас к нам.

— Хорошо, а что случилось? Сердце тревожно забилось.

— Приезжай, Надь.

Надя, предчувствуя беду, выбежала из дома в чем была: в халате и в тапочках. До Колиного дома — недалеко, три остановки, — через несколько минут она была там. Еще не забежав во двор, Надя поняла — случилось что-то страшное.

«С его мамой? Почему тогда сам не позвонил? С отцом? Нет. Наверное, с бабушкой. Она совсем старенькая! Эх, придется свадьбу откладывать».

Но свадьба не состоялась вовсе: молодой, здоровый парень Коля Васнецов умер от сердечной недостаточности. Вышел в палисадник, воткнул лопату в мягкую землю, упал и больше уже никогда не встал.

На похоронах она смотрела в одну точку и почти не плакала. Слезы будто застряли где-то глубоко, обернувшись тяжелым комом внутри, который не давал дышать.

После похорон Надя долго не могла прийти в себя. Возможно, ее состояние продлилось бы еще дольше, но зимой сильно заболела мама: диагноз был неутешительный, да не один, и Наде пришлось срочно выползать из своего кокона. Потерять еще и маму она не могла.

Родители Николая были довольно-таки хорошо расположены к Наде, и поначалу они тесно общались. Но потихоньку общение сошло на нет. Надя не успела стать им снохой и не была беременной.

Они были состоятельными людьми, и когда Татьяне понадобилась операция, Надя обратилась за помощью прежде всего к ним, но мать Николая, тщательно подбирая слова,

вежливо отказала.

— Наденька, ты понимаешь, нам сейчас самим нелегко приходится. Малый бизнес вот-вот заглохнет. Надо наращивать объемы. А если мы сейчас отдадим такую крупную сумму денег…

— Я верну! — перебила Надежда несостоявшуюся свекровь.

Она посмотрела на нее то ли с презрением, то ли с сожалением, и, не обратив внимания на ее заверения, продолжила:

— Если мы сейчас отдадим тебе такую крупную сумму денег, это негативно скажется на бизнесе. Нам не выплыть! Нас задавят те, кто уже привозят товар на миллионы, а не на тысячи, как мы.

Надя быстро-быстро закивала головой, попятившись назад и ругая себя: «Зачем пришла? Что себе возомнила? Это чужие люди! Надо самой выбираться!»

Она шла домой с опущенной головой, будто из чужого дома, где ее и не ждали вовсе. Ни мужа, ни ребенка, ни той семьи, которую они мечтали создать. Осталась одна. Всегда одна.

Все это молниеносно пронеслось в голове у Нади, и она внимательно посмотрела на Ласло. Кто же он? Друг? Но друзей среди мужчин не бывает!

«Неужели я привязалась к нему так, потому что люблю?» — догадка была страшной и прекрасной одновременно.

Его голос, его руки, его постоянная забота и внимание —

все это стало таким привычным и нужным, что Надя не представляла, как она жила раньше без него. Она представила, что это может закончиться — и дышать стало труднее.

…Татьяна тем временем ушла в свою комнату и там прилегла на кровать.

— Надя, меня волнует состояние Татьяны. Может, поедем в ближайший город и сделаем там полное обследование? — предложил Ковакс.

Надя махнула рукой:

— Делали, и не один раз. Хотите я покажу вам ее медицинские документы? Я не знаю всех этих терминов на английском, а сами вы ничего не поймете. Да вам и ни к чему. Давайте по-простому. У нее был плеврит, врач тогда предупредил, что прогноз плохой, надо лечиться дважды в год, постоянно наблюдаться, хорошо питаться, регулярно принимать лекарства! Но даже в этом случае дыхательная недостаточность будет нарастать. Крайне противопоказаны какие-то стрессы. Возможны улучшения, и даже длительные. Ну вот оно у нее и случилось, когда мы приехали, а теперь снова плохо. А еще у нее была тяжелая операция по удалению желчного пузыря. Он лопнул. И все это в одно время. Понимаете? Какие еще нужны исследования? Потом удаляли зоб. Ласло, пожалуйста, я не хочу об этом говорить. Сейчас у нас благодаря вам хорошие условия для жизни. Маме просто нужен покой, хорошее питание, положительные эмоции. Давайте не будем снова мучить ее исследованиями и анали-

зами.

— Надя, надо у нее выяснить, почему она так отреагировала на мои слова, — задумчиво произнес Ласло.

— Я поговорю с ней, — пообещала Надя. — Ласло, — девушка мялась, не зная, с чего начать. — Ласло, я не хочу, чтобы вы уезжали! Но понимаю, что и остаться вы не можете. Давайте поговорим об этом серьезно. Мне кажется… мне кажется… что я люблю вас! — выпалила она. — И я… не знаю, что с этим делать.

Она затаила дыхание, замерла. Она не знала, что он скажет, и от этого сердце стучало так, что отдавалось в висках. Но она сказала. Сказала… А может, зря?

Глава 12

Он услышал ее слова признания, но смысл дошел не сразу — будто сквозь толщу воды, через шум собственного сердца. «… что я люблю тебя», — повторились ее слова эхом несколько раз.

Ласло не поверил сразу.

«Я сплю? Этого не может быть!» — подумал он.

Ковакс смотрел на Надю, но сразу не мог вымолвить ни слова. Не потому что не хотел — просто мир вдруг стал ослепительно ярким, оглушительно живым. Словно кто-то распахнул окна, которые были наглухо заколочены, и вот теперь вдруг в душу ворвался свет.

Ласло даже не смел мечтать об этом. Любил ее тихо и безнадежно. Кто он в ее жизни? Просто случайный гость, благодарный за каждый день рядом. И вдруг ее признание…

Он чувствовал себя малышом, которому подарили новый мир — не вещь, не поездку, а целый мир, полный света, тепла и надежд. И теперь его надо исследовать.

— Мне тоже так кажется! — наконец-то растерянно промолвил Ковакс.

Она посмотрела на него удивленно.

— Что я люблю тебя, — поспешно и обескураженно добавил он. — И я тоже не знаю, что с этим делать. Надя!

Они порывисто обнялись и простояли так долго.

Между ними будто растворилось расстояние — не физическое, а душевное. Не было больше ни тех двух подлокотников, ни той пропасти. То, что держало, мешало и доставляло страдания, растворилось. Надя чувствовала, как тепло его рук пробирается прямо к ее сердцу.

— Что нам теперь делать? Вы не уедете? — прошептала Надя свой главный вопрос.

Ковакс был так счастлив, но и удивлен одновременно, что не знал, что ответить. На него накатила волна, которая просто смела все на своем пути: прошлое, настоящее и, возможно, будущее.

— Надюша, я не знаю, что нам теперь делать. Наверное, просто жить. Без тебя я точно никуда не уеду. Мы поедем вместе.

— В Венгрию? — она отстранилась от Ласло и заглянула ему прямо в глаза.

В них она прочитала безграничную любовь и нежность.

У Надежды внутри все сжалось от волнения, а за спиной, наоборот, будто расправились крылья — страшно и радостно сразу. Поездка в чужую страну, в его дом…

Но разве можно строить планы, когда душа еще не успела осознать, что произошло! Она любит его, а он ее! Все так просто и так сложно.

— Да, ко мне! Я познакомлю тебя с Милошем, он отличный парень.

Надя зябко поежилась:

— Ласло, я… не знаю… я не хочу с вами расставаться ни на минуту, но ехать к вам в дом… не знаю. Как вы меня представите сыну?

Ковакс призадумался:

— Надюша, я представлю тебя ровно так, как ты сама захочешь. Хочешь — будущей супругой?..

Надя вдруг почувствовала, как все внутри замирает так же, как этой ночью.

Ласло не давил, не требовал, только смотрел с такой нежностью, что у нее перехватило дыхание. Где-то внутри уже росло ощущение ответственности — за чувства, за будущее, которое могло бы начаться прямо сейчас. Но все казалось слишком стремительным, будто бы они с Ласло прыгнули в реку с головой, и теперь их несет течением. Куда? И вынесет ли вообще?

— Супругой? Нет-нет, что вы! Мы открыли друг другу наши чувства, и это ничего не значит! Ровным счетом ничего. По крайней мере, мы ведь не собираемся жениться?

Ковакс внутренне сжался: «Я так и думал. Она не готова для серьезных отношений. Это импульс, порыв! Всего лишь эмоции!»

— Надюша, я готов ждать, сколько угодно. Как только ты захочешь настоящих серьезных отношений — дай мне знать. Мы сейчас поедем к Дусе? — сменил он тему.

— Да, нужно ехать. Только посмотрю, как там мама.

Ковакс кивнул:

— Я жду тебя в машине.

Он вышел из дома: здесь все ему было чужим и родным одновременно. Ради Надежды он мог остаться где угодно, лишь бы она была рядом.

Надя зашла к матери, та дремала. Девушка уже собиралась тихонько выйти, но Таня ее окликнула:

— Дочуня, я не сплю.

— Мама, мы к Дусе, вернемся вечером, как обычно. Мам, я у тебя спросить хотела… ты почему так отреагировала на новость об отъезде Ласло?

Таня вздохнула:

— Надюша, благополучие в наш дом… нет… я бы даже сказала — счастье — пришло с его приездом. Надя, я не говорила тебе, но я каждый день молю Бога, чтобы это не закончилось. Я даже в храм сходила и поставила свечку. Надя, мне страшно. Он уедет, и у нас снова все покатится под откос. А вчера я сон дурной видела: ты же знаешь, я иногда вижу такие сны.

Это правда, несколько раз за последнее время Таня действительно видела сны, которые сбывались один в один в жизни.

— Мама, ну какой сон… ну что за мракобесие?..

— Надя, ты спросила, почему я отреагировала, я отвечаю. А мракобесие это или нет — я не знаю. Да только мне приснилось, что он скажет, что уедет, и уже на следующий же день нас ожидают беды. Ты представляешь? И он реально

вечером говорит — я уезжаю. Ну вот и слетела с катушек. Надь, ну не смотри на меня так. Ну дура я, дура!

— Мамусик, да не дура ты! Очень умная ты у меня. Мам, а как ты посмотришь на то, если я уеду с Ласло, но мы скоренько вернемся, — быстро добавила Надя, увидев изумленный и чуть испуганный взгляд Тани: — Мам, он приглашает Венгрию посмотреть.

— Надюшка, езжай, конечно. Бизнес налажен. Отдохнешь, новую страну увидишь!

— Мам, правда? Ты уверена? А как ты одна?

— Наденька, я же целый год жила одна, ты забыла.

— Ну да, — Надя кивнула. — Такое забудешь! Как же! Мама, ну ты испугалась, что он уедет, а мы вообще вдвоем уедем…

— Надь, нормально все будет со мной. Приступ уже случился. Обещаю, больше такого не будет. Наденька, только я тебя спросить хотела: а можно я Люсю к нам позову? Все-таки такой большой дом…

— Мамочка, отличная идея! Конечно! Почему ты спрашиваешь? Это твой дом.

— Надюшка! — Таня протянула руки, мать и дочь крепко обнялись. — Ты ничего от меня не скрываешь? — мать хитро посмотрела на дочь.

Таня смотрела на Надю с нежностью и любовью. Интуиция матери — вещь особенная: словами не объяснишь, но сердцем чувствуешь. Она уже поняла все, даже раньше, чем

Надя сама осознала. В ее глазах светилась надежда — не за себя, за дочку. Чтобы у той было все: любовь, дом, человек, на которого можно опереться. И она уже простила Надю за то, что она скрывала это. Таня понимала, что Наде было непросто. Ласло намного ее старше.

— Мам, потом, ладно, — Надя покраснела.

— Наденька, — мать зашептала на ушко дочери. — Любви все возрасты покорны. Любовь ровесников не ищет.

— Мама!

— Надя! Надо было тебе давно мне правду сказать. Вы же любовники с Ласло?

— Мама! — возмутилась Надя. — Да нет же! Ты все не так поняла!

— Надюша, не стоит стесняться. Я все понимаю. Не надо от меня прятаться. Пусть он переезжает к нам. Я же сразу предлагала. Такой муж как Ласло…

— Мама! — Надя вскочила с кровати. — Не надо! Прошу тебя. Нет! — Надя выскочила из спальни матери.

Глава 13

Таня вздрогнула, когда хлопнула входная дверь. Осталась лежать, глядя в потолок. Где-то внутри больно кольнуло.

«Опять я, дура безмозглая, полезла с советами, с догадками. Да что ж за привычка у меня — наперед все решать, слова вкладывать в чужие уста? Навязывать поступки. Обидела свою девочку…» — подумала Таня и закрыла глаза.

Сердце защемило. Татьяна провела ладонью по щеке, словно стирая стыд, боль и тревогу.

«Я ведь только хочу, чтобы она была счастлива. А может, и правда — рано я полезла со своими «пусть переезжает», «пусть женится» … Не готова она. Не уверена, а я давлю. Да и не мое это дело! Пусть сами решают! Не буду больше вмешиваться!»

Она отвернулась к стене и прошептала в тишину:

— Прости меня, дочуня моя…

…У Нади колотилось сердце. Слова мамы больно кольнули не потому, что она ошиблась, а потому, что оказалась так близко к правде. Ее чувства к Ласло были новыми, пугающими, сильными, и она сама до конца не могла их разобрать. Ей нужно еще чуть-чуть времени. Понять… уверить-ся… осознать… После Коли она никого не любила…

…Ласло сидел в машине и терпеливо ждал. Надя задерживалась, Ковакс начал немного волноваться.

Но вот она вышла из дома и решительно направилась к машине, резко открыла дверцу, села, ударила обеими руками по рулю. Ковакс вздрогнул:

— Что-то случилось?

— Ласло, давайте все оставим как есть. Я пока не готова к следующему шагу.

Она умоляюще посмотрела на него.

Он кивнул:

— Я готов ждать.

Он знал: не стоит спорить, уговаривать, торопить. Он хотел, чтобы она сама все решила. Ему казалось, что он не вправе брать инициативу в свои руки. Он верил — время сделает свое. Главное — быть рядом.

Надя закрыла глаза, вдохнула глубже. Его терпение обволакивало как теплый плед. Внутри, где еще недавно была сумятица, обида на мать, появлялось что-то похожее на покой. Ей никогда не говорили: «Я подожду».

Всегда спешили, требовали, торопили. А Ковакс просто ждал, и этим своим ожиданием говорил ей куда больше, чем мог бы сказать громкими словами. Вот уже пару месяцев он был ее убежищем.

— А вот в Венгрию я с вами поеду! — Надя улыбнулась. — Мама рада за нас и не против!

— Надюша, это отлично! Когда едем?

— Ну так давайте найдем трех поваров и махнем! Годится?

— Ну обнять-то я тебя точно могу? — лукаво подмигнув, спросил он.

Надя сама потянулась к нему, прижалась и прошептала:

— И даже поцеловать!

Губы их слились в жарком поцелуе.

У них обоих еще не было уверенности ни в чем, но уже была надежда. А иногда именно она важнее любви — потому что любовь может испугать, а надежда ведет вперед.

…В столовой стоял умопомрачительный запах свежеиспеченных фирменных пирожков тети Дуси. Они призывно лежали в огромной корзине на кухне.

— Выпьем кофе? — спросила Надя у Ласло.

— Да, и давай всех зови. Заодно и поговорим.

Надя кивнула, тепло улыбнулась и поцеловала Ласло. Он вспыхнул и оглянулся: не видел ли кто. Надя, будто прочитав его мысли, шепнула ему на ухо:

— Пусть все знают, что я люблю вас!

Он обнял ее и глухо прошептал:

— Моя? Навсегда?

Она кивнула.

Через несколько минут Петрович, тетя Дуся и Майя сидели за столом с Надей и Ласло, угощались пирожками и обсуждали новшества, которые решил внедрить Ковакс.

Он встал, торжественно оглядел всех собравшихся и, стараясь говорить спокойно, начал:

— Друзья, у меня к вам есть деловое предложение. Мы хо-

тим организовать ночную смену на кухне. Дорога не замолкает ни на минуту, водители хотят есть ночью тоже. Мы бы могли предлагать им напитки, горячую выпечку и пару блюд на выбор. Но нынешними силами мы не справимся. Нужны три повара, желательно мужчины. Оплата — двойная.

— Почему мужчины? — уточнила тетя Дуся. — Что за странная разборчивость? У нас вроде бы женщины и мужчины равны! — улыбнулась она.

— Ну я так думаю, — начал пояснять Ласло, — что ночью женщинам работать страшновато.

Надя перевела, а Дуся тут же махнула рукой:

— Да брось! Ты еще найми нам охрану. Есть у меня одна повариха на примете. Гром-баба! Получше любого мужика справится и ничего не боится. Ночь через три ее очень устроит. Ребенок у нее маленький.

Тетя Дуся чуть помолчала и добавила:

— Дочка моя, Наташка. Готовит не хуже меня. А с внучком я посижу.

Ковакс восхищенно одобрил кандидатуру:

— Отлично. Берем не глядя. Еще двое нужны.

Майя, боязливо глянув на деда, рискнула:

— Один у меня на примете есть. Парень — золотые руки, раньше в ресторане работал, потом там что-то не сложилось. Сейчас без работы. Позвоню ему сегодня же, если хотите.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Ковакс. — Пусть завтра приходит на собеседование. И еще один?

— Найдем! — заверила Надя. — Спрошу у Анжелы.

…На следующий день повар от Майи пришел знакомиться. Надя стояла у стойки с кипой бумаг — счета, отчетность, списки закупок.

Он — высокий, плечистый, светловолосый, в белой футболке в обтяжку, под которой играли мускулы — задержал взгляд на ней. И этот взгляд был слишком внимательным, и он не ускользнул от Ковакса. Надя почувствовала его сразу, подняла глаза и, слегка смутившись, кивнула парню в ответ, будто была с ним знакома.

Ласло почувствовал, как у него внутри что-то сжалось. Это было как удар — короткий, но острый. Его глаза стали жесткими, губы — одной напряженной линией. Он смотрел, как этот парень протягивает Наде руку, говорит ей что-то с легкой улыбкой, как будто они знакомы много лет. И Надя улыбается в ответ — вежливо, но тепло.

Ковакс возненавидел себя в этот момент, он отвернулся и сделал несколько ритмичных вдохов и выдохов.

Затем он энергично с улыбкой подошел к ним.

— Вы говорите по-английски? — спросил он у парня.

Он удивленно и растерянно посмотрел на Ковакса. Надя весело рассмеялась:

— Это господин Ковакс, он из Венгрии. Ласло — владелец столовой.

Парень широко улыбнулся и дружелюбно протянул Ласло руку:

— Денис, — представился он.

Ковакс энергично пожал руку. Парень был слишком хорош, и это пугало.

Задав ему несколько вопросов, Ковакс понял, что он подходит идеально.

— Вы приняты! Когда можете приступать?

— Сегодня, — моментально ответил Денис.

— Пока будете работать в смену с женщиной. Значит — ночь через ночь. Чуть позже будет еще один сменщик.

Денис кивнул, показывая свое согласие.

В этот момент из кухни вышла Майя, и сразу стало ясно, что они пара.

Денис зажегся тем внутренним светом, которым горят только тогда, когда любят. Майя тоже раскраснелась.

Внешне Ковакс сразу успокоился, но сердце не отпускало весь день.

«Она свободна, молода. И ничего мне не должна! А я? Имею ли я право на нее? Или все это — только на время? А что в этой жизни не на время? — спросил он у себя. — Успокойся и живи спокойно, счастливо. Или будешь вздрагивать при каждом взгляде на нее другого мужчины?»

Ковакс понимал, что Надя очень красивая, она будет притягивать взгляды мужчин. И не только взгляды.

Вечером, когда они остались вдвоем, Ковакс все-таки не выдержал:

— Надюша… — начал он и замолчал.

Смотрел на нее, пытаясь подобрать слова. — Сегодня… Денис… он на тебя так смотрел…

Надя сначала удивилась, потом рассмеялась:

— Ласло! Неужели вы ревнуете? Ну что вы! Я же не в баре в Сеуле.

Она многозначительно посмотрела на Ковакса. Зачем она упомянула бар? Ласло почувствовал мощный удар, будто неожиданно двинули в пах.

— Мне никто не нужен, — твердо сказала Надя и открыто посмотрела на Ласло. Я люблю вас. Что будет дальше, я не знаю.

— Но он молод, красив…

— А вы умный, надежный, добрый и… самый-самый, — перебила Надя. — Мне с вами хорошо и спокойно.

Он прижал ее к себе, и на секунду ему показалось, что этого достаточно. Но внутри жила тревога. Неуверенность в себе, в будущем, в том, что он имеет право на такую любовь. И в ту же ночь он принял решение:

— Надюша, давай все же съездим в Венгрию. Да и дела нужно уладить. Милош уже зовет.

— Я поеду с вами! — тут же сказала Надя.

Глава 14

В Венгрию добирались сложно. Сначала прилетели в Москву, переехали в другой аэропорт, там едва успели на свой самолет в Будапешт. В столице пришлось задержаться на несколько часов.

Город встретил пасмурным утром, но Наде понравился: показался ей огромным и таинственным. Все было совсем не так, как в России. Люди говорили на другом языке, были иначе одеты, даже воздух пах по-иному.

В здании Восточного вокзала было еще непривычнее, чем в здании аэропорта.

Они прошли по залу ожидания — высокому, гулкому, с мозаикой под потолком и витражами. Из арочного окна виднелась улица с красными трамваями, вывески на венгерском, торопливо идущие люди: город жил своей привычной жизнью. Надя сжала руку Ласло.

— Красиво здесь… но страшно немного. Я ведь никогда нигде не была… ну… только в Сеуле, — шепнула она.

Ласло внутренне дернулся. Снова Сеул. Он всегда будет стоять между ними?

Люди спешили, а Надя просто стояла, замирая перед гулом чужого города. Ей вспомнилось, как они с мамой ездили однажды в Новосибирск — ей тогда казалось, что это самое большое приключение в ее жизни. Но теперь все было со-

всем по-другому. Новосибирск померк перед красочностью и яркостью Будапешта.

Ласло купил ароматный кофе. Он заметил, как Надя озирается, — и сжал ее ладонь:

— Все хорошо. Мы уже почти дома. Ехать всего лишь два часа.

Милош мог бы их встретить на машине, но Ласло намеренно не стал ничего сообщать сыну о своем приезде. Свое волнение он скрывал даже от себя. Как встретит их его взрослый сын?

Ласло улыбался, но в глазах пряталась тревога. Он не говорил об этом вслух, но с каждой минутой, приближающей к дому, его сердце сжималось.

Он не видел Милоша три месяца. У сына своя жизнь, свои заботы. И вот он, его отец, едет домой с женщиной почти вдвое моложе себя. Влюблен, счастлив. Но что скажет сын? Не подумает ли, что он сошел с ума? Примет ли Надю? Поймет ли?

Надя ступила на перрон и растерялась. Вокруг все было не так, как у них на станции в Княжеске, и каждый звук будто говорил: «Имей в виду, ты не дома. Ты здесь чужая!» Поезд, отъезжавший с соседнего пути, издал странный высокий гудок, в динамиках звучала речь, но Надя, конечно, не понимала ни слова. Люди вокруг торопились: они счастливые, точно знали куда и зачем. Она ловила их взгляды — приветливые, отстраненные, безразличные, иногда удивленные

и заинтересованные, и чувствовала себя некомфортно, почти так же, как тогда, когда только приехала в Сеул.

— Здесь хорошо, Надюша. Ты привыкнешь, — пообещал Ласло. — Это другая страна, но добрые люди везде есть.

…Поезд дрожал на стыках, мерно постукивая, как будто отбивая сердцебиение Надежды и Ласло. Каждый думал о своем, но по сути об одном и том же. Как встретит Милош?

В купе пахло кофе из термоса, яблоками и чем-то мужским — терпким, успокаивающим. Она сидела у окна, завернувшись в плед, и смотрела на проносящиеся пейзажи. Все было ново — и будто не с ней.

Ласло сидел рядом, читал, но то и дело поглядывал на нее.

— Ты волнуешься? — вдруг негромко спросил он.

Надя кивнула:

— У меня ощущение, что я как будто в чужую жизнь сейчас попала.

— Это не чужая. Это наша. Я хочу, чтобы ты почувствовала себя… дома.

Она улыбнулась:

— А если не получится? Это непросто. Я ведь уже жила в чужой стране.

— Почему? Получится. Потому что ты будешь здесь со мной. И потому что я люблю тебя. Это ведь многое делает проще. Правда?

Пока поезд мчался к Печу, мысли Ласло петляли — туда, вперед, к дому, к сыну, к неизбежному разговору. Он сжи-

мал книгу, будто удерживал тревогу. Милош — взрослый, умный, самостоятельный. Но ведь он ничего не знает. Он привык, что отец давно один. А теперь вот… женщина, русская, совсем молодая. Юная… Как Валери. Что он подумает? Не осудит ли?

Ласло вздохнул. Он любил сына — и боялся потерять его уважение. Но Надю он тоже любил, и, кажется, сильнее, чем сына. И потому вез ее в свой дом — несмотря на страх и неизвестность.

За окном скользили виноградники, тонкие ряды лозы, притихшие деревни с черепичными крышами, церкви с острыми шпилями, залитые светом озёра. Иногда мелькали пастбища, где паслись лошади с густыми гривами. Надя никогда не слышала этих названий, но они звучали так необычно — Кечкемет, Шиофок, Дунауйварош.

Надя шептала:

— Как красиво… я и не думала, что Европа такая. У нас все иначе. Просторно, сурово. А тут все такое маленькое, словно игрушечное.

— Это моя такая родина! — сказал Ласло. — И я хочу, чтобы она стала твоим домом.

Она смотрела на него и думала: неужели теперь и правда все изменится в ее жизни? Как? Она не знала, что ждет ее впереди, но что-то в ней отзывалось — будто эти поля, эти дома, эта страна были знакомы ей, просто это было давно, в детстве, и она забыла, а теперь надо вспоминать.

Когда они подъезжали к дому, сердце Ласло колотилось как у мальчишки. Надя почувствовала, как он крепче взял ее за руку, словно прося поддержки. Она ответила на его сильное, до боли, пожатие своим легким. Он посмотрел на нее и кивнул, прикрыв глаза. Она поняла его: он поблагодарил.

…В тот день Милош вышел в сад, когда услышал шум приближающейся машины. В спортивной кофте, с чашкой кофе, он направился к воротам и замер.

— Отец?.. — удивленно и обрадованно протянул он по-венгерски.

— Милош, так получилось, — улыбнулся Ласло и обнял сына. — У меня для тебя сюрприз.

Познакомься. Это Надежда. Милош, я люблю ее. Хочу, чтобы вы подружились. Она говорит по-английски.

Милош перевел взгляд — и увидел ее. Надя стояла у машины, чуть за спиной Ласло. Ветер тронул ее светлые волнистые волосы, она неуверенно улыбнулась и чуть кивнула, пытаясь сдержать смущение.

Милош смотрел на Надю с легким удивлением, его будто в сердце ударили. Он почувствовал, как дыхание сбилось, как что-то внутри обрушилось и заново собралось. На мгновение его взгляд застыл, будто он забыл, что надо говорить, как будто увидел что-то такое, что изменит всю его жизнь. Он опомнился, протянул руку, кивнул, чуть запоздало, но тепло улыбнулся:

— Добро пожаловать, Надежда. Как добрались?

Она кивнула, едва улыбнувшись, смутилась. Не потому, что Милош разглядывал ее слишком пристально, а потому, что он был… как Ласло. Та же ясность во взгляде, та же улыбка, то же тепло в глазах — но он был моложе, свежее, как будто кто-то нарисовал портрет Ласло… яркими красками.

— Спасибо, все хорошо, — ответила она и посмотрела ему в глаза.

Его мир на секунду сжался в точку. И только сердце стучало слишком громко… у обоих.

А Ласло, улыбался, он радовался встрече с сыном, он ничего не заметил.

Глава 15

Милош будто стряхнул с себя наваждение и засуетился.

— Давайте-давайте проходите. Я кофе сварил, сейчас что-нибудь приготовлю вам перекусить по-быстрому. Папа, ты же знаешь, я не фанат готовки.

— А может быть, я? — Надя со все еще трепещущим сердцем взглянула на Ласло. — Омлет фирменный, тети Дусин? А? Милош, — она посмотрела на него, и у парня будто подкосились ноги: — У вас в холодильнике найдутся продукты для омлета?

Ласло встрепенулся:

— Ты знаешь, Милош, в России я познакомился с удивительной женщиной — Дусей. Она готовит такие пирожки… ну почти такие же вкусные, как наши погачи. И омлет тоже, действительно, очень вкусный.

— Я испеку! — поспешно сказала Надя. — Тетя Дуся меня научила. Милош, вы обязательно попробуете, вам понравится. Так есть продукты для омлета?

Надя чувствовала, как краснеют щеки. Хотелось выглядеть естественно, непринужденно, но голос дрожал, и каждое слово давалось с усилием. Она вдруг испугалась, что Милош поймет, что он привлек ее внимание. Но еще хуже будет, если вдруг это заметит Ласло. И что тогда?

— Да, да, в холодильнике что-то есть, — отмер Милош.

— Вы располагайтесь сначала, а я пока все достану.

Милош будто проснулся от дремоты — внутренней, душевной. Он смотрел на Надю и никак не мог понять, что именно так тронуло его. Не голос, не слова, не жесты — а, может быть, все сразу? От нее исходило какое-то тихое, почти деревенское тепло. Такое бывает у девушек, воспитанных в доме, где принято заботиться о других.

— Надюша, пойдем я отведу тебя в гостевую комнату, — Ласло подал руку Наде.

Когда отец сказал, что поведет ее не в свою спальню, а в гостевую комнату, Милош вопросительно взглянул на него. Но тот игнорировал его немой вопрос или попросту не заметил.

«Отец ее любит, но они не спят вместе? Что-то тут не так!»

Он чувствовал, как в груди возникает странное, колкое чувство. Он не был против новой любви отца — не был… вроде бы. Но она слишком молодая, слишком притягательная… И слишком красивая… Милошу было страшно от того, что он чувствовал к Наде нечто необъяснимое, волнующее…

…Ласло и Надя вошли в просторную комнату на втором этаже.

— Надюша, тебе будет здесь удобно. А если чего-то не хватает — скажи. Сегодня воскресенье, у Беаты выходной. А завтра… — Ласло не договорил, Надя переспросила:

— Беата? Как интересно! Знаете, Ласло, мне мама в детстве всегда рассказывала сказку про красавицу Беату и ее злую мачеху. Я сейчас словно в детство попала. Так приятно.

В комнате стало как-то уютно и немного волшебно. За окном начал накрапывать дождик, но здесь, внутри большого старинного дома, было тепло и спокойно. Надя вдруг почувствовала, что хочется верить в то, что все может получиться, и можно быть чужой — и все равно найти себе место, найти себя.

— Да, Беата, — кивнул Ласло, — наша няня.

— Няня? — Надя улыбнулась.

— У вас разве есть малыши? Милош женат?

— Не-нет, ты не так поняла. Беата с нами очень давно. Она помогала Илке с Милошем. Была его няней. А потом у нее умер муж — она осталась совсем одна, и мы предложили ей жить с нами всегда. Она прекрасно готовит, и вообще мы привязались к ней, а она к нам. А потом родилась Валери. И снова Беата стала настоящей няней. Она тебе понравится, она хорошая и добрая. Так что, если вдруг что-то понадобится, то смело к ней обращайся. Располагайся, Надюша, — Ласло ободряюще улыбнулся.

Надя кивнула:

— Я сейчас переоденусь и спущусь на кухню.

— Хорошо. Я тоже пока зайду к себе.

Надя сняла пиджак, повесила его на спинку стула, провела рукой по шелковистой поверхности покрывала на кровати,

взглянула на себя в зеркало над комодом. Все было чужим — и в то же время необъяснимо родным.

«Ты гостья, — прозвучало у нее в голове, — в чужой жизни».

Милош спустился на кухню и долго пил воду, не чувствуя жажды. Его мысли путались. Почему внутри так странно: больно и одновременно приятно, горько и одновременно радостно, страшно и спокойно.

Он решительно двинулся в комнату к отцу, желая задать ему мучительный вопрос и понять серьезность его намерений к Наде.

— Папа, можно к тебе? — Милош приоткрыл дверь в спальню отца.

— Да, конечно, сынок, заходи.

— Папа, я понимаю, что это не мое дело. Но просто расскажи мне чуть побольше…

— Милош, за эти два месяца со мной столько всего произошло… — Ласло с опаской взглянул на сына.

Этот разговор с ним он прокручивал в голове много раз, но сейчас не знал, с чего начать, и стоит ли вообще рассказывать всю правду. Поймет ли?

Ласло стоял у окна, задумчиво глядя на мокрую листву старой вишни. Внешне он был спокоен, но внутри дрожал. Ведь он привел в дом не просто женщину, а ту, которую полюбил поздно, неуместно, может быть, даже неправильно… и скорее всего, последний раз. Как все это сказать Милошу?

— Сынок, Надя из России. Из небольшого сибирского городка, — начал Ласло.

— Господи, как тебя туда занесло? Ты не собирался в Россию.

Не обращая внимания на вопрос сына, Ласло продолжал:

— Когда я ее впервые увидел, мне показалось, что это Валери. Тебе не кажется, что они похожи?

Милош пожал плечами и покачал головой:

— Если только со спины… Обе мелкие… длинные светлые волосы. Пожалуй, все.

— Да, Милош, на этом все. Так я и увидел ее впервые именно со спины. Милош, они с мамой попали в очень трудную ситуацию, и я решил помочь им. Понимаешь, даже не ради них, а вроде как ради себя… ради Валери. Я верю в то, что она жива, и дал обет Господу, попросив его так же помочь Валери. Понимаешь меня, Милош?

— Понимаю, папа, — горестно кивнул сын и обнял отца. Теперь они вместе смотрели в окно.

— Мы много времени проводили вместе, и вдруг я понял, что влюбился. Но я не смел сказать ей об этом. Ты же понимаешь меня почему?

Милош снова кивнул и озвучил свою догадку:

— Потому что она намного моложе тебя? Или потому, что боишься, что я не пойму?

Ласло помолчал и тихо проговорил:

— И то и другое, сынок. И потому что у тебя была мама, а

теперь ее нет, и я боюсь стать предателем. Я всячески избегал слишком близкого контакта. Но ты представляешь, она первая призналась в том, что любит меня. И я не удержался: признался ей тоже. И вот мы здесь.

— Надежда сказала тебе об этом? — парень был обескуражен.

— Да, Милош. Но между нами ничего нет. Ну ты понимаешь меня? Как между мужчиной и женщиной!

— Понимаю.

Хотя на самом деле Милош ничего не понимал. Как такое возможно?

Любить девушку, привезти ее в свой дом… и не иметь с ней интимной связи! И что же дальше?

Парень чувствовал, что у него в душе или в сердце зарождается что-то… да где оно вообще рождается — то, о чем так много говорят, пишут, показывают в кино!

А может, это совсем не оно? Не то чувство, о котором знают во всем мире. И он знал, просто знал! Как все! Но никогда не чувствовал. И вот вдруг что-то необъяснимое, что-то совершенно новое поселилось внутри него. Но как же можно точно сказать, что это любовь, если Милош никогда не любил раньше?

И как же отец? Он говорит, что любит ее, а она любит его.

Как все запуталось! Как леска для ловли рыбы. Одно неловкое движение — и тонкая нить запутывается так, что можно просидеть целый день, распутывая ее, да так и не рас-

путать. А тут и дня не хватит. Еще только полчаса назад жизнь была такой простой и понятной. А что же теперь?

Он чувствовал странное раздражение, будто внутри него вдруг вспыхнул костер, который он сам же пытался залить водой. Но не получалось. Все, что он знал о любви, о правильном, о должном — рушилось на глазах, за секунды. Нельзя влюбиться в ту, которую любит отец. Вот настоящее предательство!

Глава 16.

Надя осталась одна в чужой комнате. Как сказал Ласло — в гостевой. Да она гостья в этом доме. Конечно гостья. Кто же еще?

Почему Милош так на нее смотрел? Почему внутри нее все перевернулось, когда он так смотрел? Сын Ласло — его точная копия, но только на двадцать лет моложе. Она испытала к Милошу то же самое, что испытывала к Ласло. Как такое возможно? Почему внутри нее они будто соединились в одного человека? Но это не один человек, это два разных мужчины. Так нельзя! Как же быть? Все и так было совсем непросто и очень запутано. А что же будет теперь?

Она села на кровать, опустив руки. Милош… Нет, он не Ласло. Он его сын. Красивый, как отец, похоже, такой же добрый, отзывчивый и… молодой…

Она боялась этого чувства, потому что знала: оно приведет к большой беде. И не к одной.

Она не могла предать Ласло. Он спас ее, он вернул ей жизнь. Она влюбились в него. Но влюбилась ли, если сейчас ее рвет пополам?

Молодые люди мучились одним и тем же вопросом в разных комнатах одного дома, не предполагая, что мысли их одинаковы.

И лишь один Ласло был безмерно счастлив. Он привез в

свой дом любимую женщину. Его сын принял ее. Это ли не чудо? Это ли не счастье?

Он и не знал, что сегодня двое самых близких ему людей не смогут уснуть, пытаясь понять, как жить с тем, что почувствовали.

В этой нереальной тишине Печа, под крышей старого дома, затаилось то, что вот-вот должно было вспыхнуть. Непрошенная, болезненная, запретная, но такая живая любовь.

…Вечером, пожелав всем спокойной ночи, Надежда ушла к себе.

Комната встретила ее тишиной и полумраком, но не покоем. Как только голова коснулась подушки, все в голове Нади снова ожило — тревожные, мучительные мысли, гул переживаний, что с самого приезда терзали ее без остановки. Милош — вот кто был предметом ее мучений.

Надя зажмурилась. Нет! Нет, это невозможно. Она не может, не имеет права, не должна. И чем сильнее убеждала себя, тем сильнее ощущала, что теряет контроль. Словно сама себя загоняла в угол, откуда нет выхода.

И вдруг, на фоне этого душного вихря мыслей, вспыхнул один-единственный, резкий, как вспышка света, импульс:

«Я отдамся Ласло… прямо сейчас. Зачем тянуть? В его доме! Чтобы точно принадлежать только ему. Чтобы тело мое знало, кто здесь мой мужчина. Чтобы самой себе доказать раз и навсегда — между мной и Милошем не может быть

ничего. Никогда!»

Это было не желание любви, а желание преодолеть страх, избежать предательства. Это была отчаянная попытка удержаться на краю пропасти. Надя боялась себя. Боялась, что если промедлит, то шагнет навстречу Милошу. А тогда — как вернуться обратно?

Она села на постели, с минуту сидела в темноте, прижав ладони к лицу. Сердце билось учащенно: вставай, иди, вставай, иди — отстукивало оно. Надя решительно поднялась, сняла ночную сорочку, накинула халатик на голое тело, дрожащими пальцами поправила волосы и вышла из комнаты.

Коридор был темный и тихий. Она ступала босыми ногами почти беззвучно, словно воровка, словно шла за чем-то запретным, грешным — и все же нужным.

Подошла к двери Ласло и тихонько постучала — так же, как тогда дома, в тот страшный день, когда маму увезли в больницу и Надя не могла заснуть одна.

Дверь отворилась почти сразу. В его комнате горел свет.

Он будто ждал: ни слов, ни удивления, ни вопросов.

Надя взглянула ему в глаза — полные нежности, тревоги, мужской готовности защитить и понять. И в следующее мгновение шагнула к нему, обняла крепко, с жадностью и страхом, прижалась щекой к груди.

— Надя… — выдохнул он, будто не веря.

Она молчала. Ее дрожащие руки сами скользнули по его спине, будто искали опоры.

Он чуть отстранился, заглянул в ее лицо, взял ладони в свои.

— Ты уверена?

Она кивнула и прошептала:

— Пожалуйста… Только не говорите ничего. Мне очень нужно быть с вами. Прямо сейчас. Не гоните меня как тогда. И я хочу не просто посидеть с вами.

Это было не от радости и не от любви. Это было от страха потерять себя и стать предательницей.

Он понял. Осторожно провел ее в свою спальню, подхватил на руки как пушинку и понес.

Ночь была тихой. За окном шумело венгерское лето, а в комнате, наполненной полумраком и дыханием двух тел, Надя делала выбор. Не сердцем — оно, возможно, давно уже било тревогу, — но телом, памятью, решением.

Теперь она была с Ласло. Его женщиной, его Надеждой.

И значит, у нее все еще оставался шанс выстоять.

Утром следующего дня Надя проснулась рано. Ласло спал на спине, широко раскинув руки. В комнате было тихо, только за окном слышалось редкое щебетание птиц, да ветер играл листвой. Простыня сбилась, подушка пахла чужим домом — ароматом стирки, лаванды и чего-то еще, неуловимо родного. Надежда лежала, уставившись в потолок, и не могла понять, где она.

Потом вспомнила все: Венгрия, Печ, дом Ласло, Милош… Ласло!

И сердце снова екнуло — как вчера вечером, когда Милош встретил их на пороге. Она повернула голову. Ласло тихо спал. Надя залюбовалась его безупречным профилем. Четко очерченный подбородок, губы, прямой нос, брови, высокий лоб, кудрявые жесткие волосы, серебряные нити, запутавшиеся в черном на висках.

«Я все правильно сделала, — успокаивала она себя. — Все честно. Я его женщина и должна принадлежать ему!»

Надя тихонько встала и подошла к окну.

Пейзаж за стеклом был чужой: аккуратный сад, дорожки, пестрели цветами клумбы, на горизонте — крыши соседних домов.

Надежда приоткрыла окно: раннее утро пахло разнотравьем и землей, которая недавно приняла дождь.

Надя вспомнила, как мечтала вырваться из своей серой действительности — но сначала она вырвалась в Корею, а теперь вот Венгрия. Вот оно, сбылось… А радости снова нет, и почему-то даже тревожно внутри… еще тревожнее, чем в Сеуле.

Надя умылась и спустилась на кухню.

Там хлопотала невысокая симпатичная женщина примерно одного возраста с Ласло. Ее богатый золотистый волос был убран в высокую прическу. Платье прикрывало щиколотки, поверх него был надет яркий полотняный фартук.

Надя сразу поняла — это Беата. Та самая, о которой Ласло говорил с такой теплотой вчера. Женщина повернулась к

ней, и в ее взгляде было все сразу: осторожность, недоверие, недовольство и даже презрение.

— Доброе утро, — сказала Надя по-русски, потом спохватилась и повторила на английском, засомневавшись, понимает ли ее Беата.

Она ответила по-венгерски, но тут же перешла на английский. Говорила она плохо, с ошибками, но Надя все понимала.

— Вы, должно быть, Надя? — то ли спросила, то ли сообщила она. — Мне о вас сказал садовник. Я думала, он преувеличивает.

— Что именно? — улыбнулась Надя.

— Что вы так молоды, — Беата прищурилась.

Надя сжалась, засмущалась и пожалела, что она вышла из комнаты без Ласло.

Беата посмотрела на нее пристально, не без враждебности.

— Кофе хотите? Или, может, чай?

— Можно кофе, спасибо.

— Или хотите помочь мне с тестом? — задала она следующий вопрос, даже не сделав ни единого движения к кофемашине. — Я хотела испечь сладкие булочки к завтраку.

— Конечно, — быстро сказала Надя. — Я люблю готовить.

— Тогда кофе потом. Я тоже еще не пила. Вот сразу взялась за дело. Мужчины хотят есть. Они всегда голодные, —

Беата снова сузила глаза.

От ее взгляда Наде сделалось не по себе, захотелось убежать подальше от этого взгляда.

Глава 17

Беата молча месила тесто, ее руки были в муке, в кухне пахло ванилью и шоколадом. Надя заставила себя успокоиться, и у нее получилось — простые движения, тепло духовки, запахи, пусть и чужие, но домашние, способствовали этому.

«А как ты еще хотела, чтобы она на тебя смотрела? Может, еще хочешь, чтобы она тебя обняла и поцеловала?» — спросила Надя у самой себя, успокаиваясь тем, что Беата ведет себя логично. В доме появилась незнакомка, да еще и такая молодая, иностранка! Бог знает, с какими намерениями.

…Тем временем на кухню вошел Милош. Он был в серой футболке, чуть помятый, с растрепанными волосами. Увидел Надю за столом, занимающуюся тестом, — и на мгновение замер.

— Доброе утро, — сказал он, а потом, немного смутившись, добавил: — Я не ожидал, что вы так рано встанете.

— Я всегда рано встаю, — сказала Надя, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Надя помогает мне, — вставила Беата немного странным тоном, будто она наняла себе помощницу. — Сварить тебе кофе?

— Нет-нет, я сам, — Милош включил кофемашину.

Он пытался говорить легко, но Надя почувствовала: он напряжен.

Когда он протянул ей чашечку кофе, она улыбнулась и чуть приподняла руки, показывая, что занята. Милош смутился и даже чуть покраснел. Беата повернулась к нему в этот момент: она заметила его и Надино смущение.

Милош взял кофе, тост и, пробормотав:

— Я в мастерскую, мне нужно кое-что доделать, — вышел, не взглянув на женщин.

Беата молча вымыла руки и вытерла о фартук, подошла к окну и на несколько мгновений застыла, глядя в сад. Надя чувствовала, как в комнате нарастает непонятно чем вызванное напряжение. Женщина что-то обдумывала, словно решалась. Потом повернулась к Наде и сказала негромко:

— Вы знаете, я уже двадцать пять лет в этом доме, в этой семье.

Надя вздрогнула от неожиданности, но кивнула, не зная, как реагировать на ее признание.

— Я пришла сюда, когда Илка родила Милоша, ей была нужна помощь. Тогда все было иначе. Дом был полон людей, гостей, смеха… И я была здесь не просто няней. Я… я была рядом с Ласло, когда его жена неожиданно срывалась и уезжала на несколько дней. Никто не знал, где она бывала. А я всегда была рядом. Потом она заболела… Когда она ушла… совсем, я осталась… рядом с Ласло.

Голос Беаты был ровный и спокойный, но взгляд — холодный, прямой, даже пронзающий.

— Он долго не замечал меня как женщину. Очень долго,

— Беата осуждающе глянула на Надю, будто это она была виновата в том, что Ласло так долго не обращал на нее внимание: — Я терпеливо ждала, и он начал видеть, — продолжила она. — Мы с ним много говорили и много молчали, понимали друг друга. Я его поддерживала. Мы даже вместе пили вино, рассматривали фотографии прошлого. Словно супруги! Но потом Валери попала в аварию, и снова он отдалился от меня: все время был рядом с ней, страдал. Я хотела утешить, но он не принял. Когда Валери пропала, я думала, что он снова будет рядом со мной. Но нет! Он как одержимый искал ее. Ездил по всей стране. А потом затих, снова начал говорить со мной, все больше делиться воспоминаниями… про Илку, про Валери. Мы вновь стали так близки с ним. И мне кажется, он готов был перешагнуть рубеж, за которым я уже не няня, а… а…

Она сделала паузу, тяжело вздохнула:

— Я долго ждала, Надя. Очень долго. Молча, терпеливо. И я думала, что уже все близко. Я так ждала его после этой поездки. Все должно было решиться.

Надя похолодела. Все внутри нее оборвалось.

— Простите… я…

— Не надо. — Беата подняла ладонь. — Я не виню вас. Вы молоды, очень красивы… Надя, — Беата прижала руки к лицу, закрыла глаза: — Я вас прошу, нет, я вас умоляю: уезжайте, пока не поздно. Пока вы не разрушили то, что здесь создавалось годами. Ласло добрый, ранимый. Он может спу-

тать жалость с любовью, свою тоску — с новой мечтой. Но это пройдет. Вы не первая! Поверьте. Здесь уже была женщина. Он потом мучился и не знал, как попросить ее уйти. Я тогда помогла ему. Вы не для него, а он не для вас. Вы разрушите ему жизнь, и себе тоже.

Слова звучали хлестко, как приговор.

— Но… — Надя едва могла говорить, в горле давило. — Мы с Ласло… Я не разрушала ничего… наоборот…

— Вы уже разрушили, — жестко сказала Беата. — И если вы хотите сохранить хоть что-то — уезжайте под любым предлогом! Сегодня же. Чем скорее, тем лучше. Оставьте его мне, — добавила она тихо.

Надя молчала, в ушах шумело. Еще вчера она думала, что все сложное — позади. Она сделала серьезный шаг — и вот он, дом, любовь, шанс на новую жизнь. А теперь — снова стена. Снова кто-то между ними. И эта женщина — крепкая, хозяйственная, хранительница дома, с усталым лицом, в муке, в фартуке — была страшнее любых угроз.

«А может быть, наоборот, это и есть спасение, дарованное Богом, и действительно надо бежать отсюда как можно быстрее? Но что сказать Ласло? Я уезжаю, потому что Беата любит вас? Как отреагирует Ласло? Выгонит Беату? Да, эта женщина не так проста, как кажется! Она так открыто обо всем рассказала, потому что, похоже, уверена, что я ничего не скажу Ласло. Она ударила на мою жалость! Она меня просчитала. У нее богатый опыт. Она точно знает, что я ее

не выдам!»

Надя сидела на краешке стула, не двигаясь. Мысли путались, словно кто-то высыпал в ее голову клубки ниток — серых, черных, алых. Она не знала, где начало, где конец, где правда, а где просто страх. А надо разобраться и сложить узор. Молчание тянулось.

Но вдруг что-то случилось. Щелк — и страха нет. Он отступил: не исчез совсем, но отошел в тень, уступив место здравому смыслу и ясности. Такой, как возникает перед тем, когда надо войти в ледяную воду: ты уже знаешь, что войдешь, и тебя будет трясти, но все равно — войдешь. Потому что надо… потому что горячей нет…

Надя бесстрашно посмотрела Беате прямо в глаза:

— Хорошо, я уеду.

Беата вздрогнула:

— Правда?

Было видно, что она не ожидала такого ответа от Нади, такой слишком легкой своей победы.

— Но только подскажите мне, как же это объяснить Ласло? Он не глуп и знает, что я не из тех, кто все бросает без причины. Он почувствует ложь и все поймет! Он будет страдать, а я не хочу, чтобы он страдал. Вы хотите?

Она говорила ровно, но в голосе звенело напряжение, как тонкая струна.

Беата отвела взгляд.

— Ничего, он сильный. Он много страдал! Переживет и

это, он много пережил.

— Вы уверены? Вы же думаете только о себе! И нисколечко о нем!

— Это не ваше дело! — резко ответила Беата. — Не вам судить. Я знаю его лучше. Вы не сделаете его счастливым.

— А вы сделаете? — Надя впервые повысила голос. — Вы не смогли этого сделать за двадцать пять лет!

— Неправда! — Беата кричала шепотом и оглядывалась на дверь.

— Правда! — припечатала Надя. — Надеялись, но у вас не получилось. И снова не получится. Хотите, чтобы я ушла? Хорошо! Я уеду… — Надя медлила, ей были интересно наблюдать за тем напряжением, которое возникло в Беате: — Как только вы скажете Ласло об этом… сами! Посмотрите ему в глаза и скажите, что вы решили за него. Что вы поставили точку. Вы ведь так уверены, что он будет счастлив с вами! Так убедите его. Просто скажите. И тогда я сразу уеду. Обещаю!

Беата побледнела. На миг ей будто не хватило воздуха.

— А вы как хотели? Видимо, думали, что еще и потом будете утешать Ласло и нашептывать ему: «Вот видишь, какая она оказалась!» — усмехнулась Надя.

— Ты… — выдохнула Беата. — Ты дрянь!

— Нет, — прошептала Надя. — Я честная. Хотите, чтобы я ушла, — объясняйте ему сами! И пусть он скажет мне уйти, а не вы. Не вы меня привезли, не вам меня выгонять.

Я приехала не с вами и не к вам. И как бы вам не хотелось быть значимой, вы здесь всего лишь нянька. К вашему мнению никто не станет прислушиваться.

— Это мы еще посмотрим, — рявкнула Беата.

— Нечего смотреть, и так уж все видно! — отрезала Надя и встала.

В этот момент зашел Ласло:

— Вот ты где! Я тебя потерял, — он потянулся к Наде за поцелуем. — Что уже видно, Надюша?

— Что булочки будут изумительны! — не задумываясь ответила Надя. — Вы ведь голодны? — уточнила она.

— Как волк! — рассмеялся Ласло. — Пойдем наверх, — он недвусмысленно посмотрел на Надю. — Беата, будь добра, занеси нам завтрак в мою спальню. Примерно… через час!

Если бы Ласло оглянулся, то он увидел перекошенное от злобы лицо той, кого считал доброй и милой.

Глава 18

Как и ожидала Надя, Беата ничего не сказала Ласло, но и с ней она больше не заговаривала на эту скользкую тему. Надежда подозревала, что та просто затаилась. Она просто молчала, словно не замечала Надю.

Это молчание было не перемирием, а затишьем. И Надя чувствовала: Беата ждет момента, не может быть, чтобы эта женщина сдалась просто так.

Она не имела никакого слова в семье Ласло. Да, ее уважали, к ней хорошо относились, но все же она была всего лишь женщиной, которая помогала по хозяйству: она не садилась за один стол с Ласло, ее комната была там же, где и комната садовника, и главное — Ласло платил ей зарплату, а это значило, что она работала в этой семье.

Надя видела, как ей хотелось быть значимой, но и Милош, и Ласло воспринимали ее лишь как ту, которая могла вкусно накормить, обеспечить уют и комфорт. Они были ей благодарны, но не более того.

Сначала Наде было даже неудобно пользоваться теми благами, которые создавала Беата, а потом она решила вообще не заморачиваться, потому что была уверена, что не задержится этом доме надолго. Она чувствовала, что он не станет ее домом.

Надя очень скучала по маме, да и за бизнесом нужно бы-

ло приглядывать. Не видела она себя жительницей городка Печ. Все было просто замечательно, но тот самый червячок сомнений точил и точил: ты здесь ненадолго. Когда и как это произойдет — она не знала. Но что произойдет — была уверена.

Несмотря на это, дом Ласло постепенно становился для Нади местом покоя. Все, что в первое время пугало и тревожило, теперь воспринималось почти как родное. Она привыкла к тишине этого дома, к скрипу половиц, к неспешной речи Ласло.

Ковакс был совсем не таким как в Княжеске: в Пече он был у себя дома, он был хозяином! Надя даже постепенно привыкла к презрительному взгляду Беаты, к ее всегда поджатым губам.

…Однажды утром, зайдя на кухню, Надя увидела, как Беата поспешно убирает что-то в карман фартука. Спустя пару дней она заметила, как она беседовала с женщиной, которая приносила через день молоко, а та слишком пристально и удивленно посмотрела на Надю, а потом что-то переспросила у Беаты, а та кивнула, будто подтверждая: «Ну а я тебе что говорила?»

Садовник, раньше такой приветливый и улыбчивый, стал цедить утреннее приветствие сквозь зубы, а шутить и разговаривать с ней перестал вообще. Мелкие, но неприятные штрихи начали складываться в тревожную картину.

— Что бы ты ни задумала, Беата, — сказала Надя сама

себе, — я не дам тебе разрушить то, что у меня есть.

Между тем отношения с Ласло становились все крепче. Они уже очень были похожи на отношения мужа и жены. По ночам он становился нежным и властным одновременно, как будто хотел не просто владеть ею, а растворить ее в себе. Надя отвечала ему с удвоенной страстью — ведь только так она могла унять ту тревогу, которую вызывал в ней Милош.

А Милош все чаще задерживал на ней взгляд. Если она что-то рассказывала, то слушал ее особенно внимательно, задавал вопросы, шутил, никогда не упускал момента пообщаться.

Иногда, проходя мимо, едва касался ее руки, будто случайно, но Надя понимала, что нет.

Она избегала встречаться с ним глазами, прятала руки, старалась не попадаться на его пути, всячески уклонялась от даже мимолетных встреч наедине.

Если выходила из своей комнаты или из спальни Ласло, и вдруг в коридоре оказывался Милош, Надя тут же возвращалась и выходила вновь лишь спустя время.

И одновременно она ловила каждый его взгляд, смеялась его шуткам, ощущала себя живой, желанной. От этого было страшно, и от этого хотелось спрятаться. И в то же время это было волнующе и прекрасно.

Она нарочно при всех клала руку на плечо Ласло, целовала его в висок, шептала что-то на ухо, прижималась к нему, а Ласло, довольный, обнимал ее крепко и называл «кедвешем»

— милая, что особенно злило Беату. Надя видела это. И расстраивало Милоша, что тоже было ей заметно. Ей ли одной?

Надя регулярно говорила с мамой по телефону: у Тани было все хорошо настолько, что она даже стала ездить к Дусе и проводить там достаточно много времени, общаясь с посетителями и помогая на кухне. В столовой дела шли просто отлично.

Как-то при таком разговоре Таня рассказала Наде, что была у врача, и он остался доволен ее состоянием. Чтобы укрепить результат, он посоветовал какое-то французское лекарство, которого не оказалось в Княжеске и даже в Новосибирске.

Надя сказала об этом Ласло с тоской, но мужчина лишь рассмеялся:

— Ты забываешь: мы в Европе. Я закажу это лекарство без проблем Иштвану, он сейчас в Париже — привезет на той неделе. Только нужно будет съездить за ним в Будапешт.

— Спасибо вам! — обрадовалась Надя. — Я бы очень хотела побывать еще раз в Будапеште хотя бы пару дней. Это возможно? — она умоляюще посмотрела на Ласло.

— Конечно! Какой же я осел! Тебе хочется эмоций, развлечений, покупок! Обязательно поедем, Надюша. Погуляем, сделаем шоппинг, заночуем в отеле, — он обнял ее и поцеловал.

Она обрадовалась, как дочка порадовалась бы обещанию отца провести с ней время.

Но в тот день, в который собирались ехать за посылкой из Франции, что привез из Парижа Иштван, у Ласло образовались неотложные дела по бизнесу.

— Съездить в город сегодня у меня не получится, — проворчал он. — Милош, — обратился он к сыну, — отвези Надю, прошу тебя. Иштван просил забрать лекарство сегодня же. Он уезжает в Софию. Поможешь? — отец вопросительно посмотрел на сына. — И вообще, походите там по аптекам, по магазинам.

Милош кивнул отцу и поднял глаза на Надю. Она почувствовала, как все в ней сжалось от страха и приятно затрепетало от ожидания чего-то, что вот-вот произойдет. И это будет ужасно и прекрасно одновременно.

— Ласло, давайте все же поедем с вами, как и собирались! Вместе. Не получается сегодня, давайте поедем завтра? — со слезами в голосе, трепетно сжав его руку, попросила она.

— Надюша, Иштван уедет завтра, — Ласло обеспокоенно посмотрел на Надю. — А я и завтра тоже не смогу. У меня важные переговоры. Почему ты так расстроилась? Мы съездим с тобой обязательно! Но завтра надо забрать посылку! Иштван купил еще кое-что по моей просьбе. Ты будешь довольна! Духи, украшения, конфеты…

— Пусть тогда Милош съездит сам и заберет все!

— Ты не хочешь ехать в Будапешт? Ты же хотела!

— Я хочу с вами!

— Надюша, я тебя не понимаю! — Ласло тревожно и даже

подозрительно взглянул на Надю.

— Хорошо, конечно, — она быстро кивнула. — Я сейчас соберусь и буду готова через полчаса.

Надя, поднимаясь в спальню, ругала себя за то, что чуть было не выдала своих чувств.

…Поездка выдалась жаркой. Окна были открыты, ветер трепал волосы Нади. Милош молчал, только один раз взглянул на нее — долго, но сдержанно. Она это видела.

— Знаешь, — сказал он вдруг, когда уж почти въезжали в город, — я все понимаю, вижу границы. Понимаю, кто ты для отца. И мне сейчас будет нелегко… кое-что тебе сказать… но я должен…

Сухой ветер шевелил макушки тополей, и тень от них колыхалась по земле, как вода. Они будто плыли, а не ехали. Надя смотрела в это движение и не могла понять — все ли на своих местах, или вот-вот расползется. Сознание уходило…

— Молчи, пожалуйста, молчи… — Надя почувствовала важность момента, все замерло внутри нее.

— Но я должен сказать, я не могу больше молчать, иначе меня просто разорвет. Надя… я … я… тебя люблю, — выкрикнул он и остановил машину, резко съехав на обочину.

Она застыла, будто его слова ударили ее по щекам, потом еще раз и еще! В груди у нее колотилось, в ушах гудело, воздуха не хватало. Казалось, он весь вышел из машины, и они сейчас задохнутся.

— Милош, — тихо сказала она, медленно повернувшись

к нему. — Не надо. Нельзя нам… это плохо… очень плохо…

Он смотрел на нее с болью, но не отводил взгляда.

— Я знаю… Знаю, что мне нельзя любить тебя… это предательство. Но я люблю тебя, Надя. Это сильнее меня. Понимаешь?

Ей хотелось кинуться к нему, обнять, прижаться и сказать о своей взаимности, но она перебила его резко, почти грубо:

— Не надо! Прекрати. Ты не имеешь права! Больше никогда мне этого не говори. Не смей! Забудь! Слышишь? Я люблю твоего отца, — твердо сказала она.

Хотела еще добавить, что его не любит совсем, но не смогла…

— Я не хочу ничего разрушать. Но я хочу, чтобы ты знала… Я люблю тебя, — снова повторил он твердо. — Это со мной случилось.

— Милош… — она заговорила, и голос у нее дрогнул. — Я не могу. Мы не имеем права. Ты — сын Ласло. Он мне верит. И… я… — она отвернулась к окну, чтобы скрыть дрожащие губы. — Все слишком сложно. Я не должна даже думать об этом.

— Но ты думаешь, — тихо сказал он.

Ее голос был тихий, как трава под ногами, но почему-то голос звучал будто внутри него. Сердце щемило от радости, что сказал, и от боли, которую надо научиться не чувствовать.

Она не ответила. И он больше не говорил.

Сердца обоих бились неуверенно — как птицы, заплутавшие в темной комнате. Все казалось зыбким, будто мир стал тонкой льдинкой, по которой они теперь шли — вместе и врозь. Осторожно, чтобы не провалиться в чувства, от которых нет спасения.

Глава 19

С момента приезда в Печ Надя старалась убедить себя в том, что любит только Ласло. Ночами ее тело отзывалось на каждое его прикосновение, и это было правдой. Но почему тогда сейчас сердце так стучит? Почему дыхание сбилось, а губы дрожат?

Милош завел мотор и потихоньку тронулся, машина нырнула в тень, отбрасываемую деревьями, растущими по обеим сторонам дороги. Милош сжал руль до побелевших костяшек. Надя отвернулась к окну и прижалась к прохладному стеклу, борясь с дрожью во всем теле.

«Потому что нельзя. Потому что, если я оступлюсь — разрушу все… его, себя, Ласло…»

Тихое урчание мотора тонуло в гулком стуке сердца. За окном мелькали кусты, а в груди у Нади все сжималось, будто кто-то незримый тянул за ниточки ее сердца. Каждый поворот, каждый миг молчания только усиливали эту невыносимую вдруг возникшую ясность между ними больше, чем слова. Больше, чем можно позволить.

В город въехали молча, забрали посылку с лекарством, Надя зашла еще в несколько аптек и купила все самое необходимое для мамы.

— Ты хочешь еще куда-нибудь заехать? Может, что-то купить? Вещи? Сладости? Орехи? — спросил Милош бес-

страстным голосом.

Она покачала головой:

— Нет, поедем домой. Мне ничего не нужно.

Надя села на заднее сиденье. Больше они до самого дома не проронили ни слова.

«Что же делать? Как же быть?» — лишь в унисон плакали их души.

Между ними повисло нечто невыносимое, нерастраченное, невозможное, болезненно-прекрасное.

Возле дома Милош притормозил и, не поворачиваясь, сказал:

— Я обещаю… больше ничего никогда не скажу. Но… мне все равно, что ты его женщина. Внутри я буду твой. Хочу, чтобы ты знала.

И только тогда она сорвалась и крикнула:

— Нет! Ты не мой, слышишь? А я не твоя! И никогда так не будет. Мне больно от этих слов, Милош. И тебе будет больно. Потому что это — грех. И ты это знаешь лучше меня. Он тебе отец!

Она выскочила из машины и, не оборачиваясь, почти побежала в дом, на второй этаж, в свою комнату. Только когда за ней захлопнулась дверь, кинулась на кровать и позволила себе разрыдаться.

Слезы хлынули горячим дождем, размывая все: и боль, и вину, и обиду на жизнь. Почему так? Шелк подушки промок под щекой, волосы липли ко лбу. Она знала, что сделала пра-

вильно, но от этого не становилось легче. Иногда правильно — значит больно. А иногда — больно, потому что правильно.

Сумерки начали ложиться на землю, медленно, как покрывало. Небо затягивалось сизыми облаками, и все в этом мгновении как будто замирало. Даже ветер стих. Затишье перед бурей?

…Беата почти сразу заметила, как Милош смотрит на Надю. Не просто любопытно, не по-дружески — в его взгляде было волнение, затаенная нежность и… жажда. Она хорошо знала этот взгляд! Она сама так смотрела на Ласло, она сама жаждала любви!

Беата поймала Милоша на этом в один из вечеров, когда Надя, смеясь, ставила на стол вазу с виноградом. Милош поднял глаза и не сразу отвел. Беата затаила тогда дыхание. «Неужели? Вот это да! Вот ты и попалась, шлюшка!»

Сначала она решила просто понаблюдать за ними, и через пару дней торжествовала. С каждым днем сомнений становилось все меньше.

Да, Милош влюблен. Беата, его няня, она знала этого мальчика как никто другой. Никогда он не был таким: рассеян, растерян, подолгу сидит в своей комнате, при появлении этой девки бледнеет, краснеет. А что ж она? Как будто бы не замечает… или делает вид? Уж не любовничают ли они за спиной Ласло? Не соблазнила ли она и сына? Уж не спит ли с обоими сразу?

Беата затаилась, но страшный план уже зрел в ее голове. На следующий же день она как бы между делом сказала соседской Марии:

— А ты знаешь, русская-то не так проста, как кажется. Видела я, как она к Милошу в комнату заходила вечером. Надолго, — хмыкнула Беата, высоко подняв брови и скривив губы.

— Да ты что?! — ахнула Мария, округляя глаза. — От отца к сыну… вот так да! Да понять-то можно! Они ж лучше друг другу подходят. Ласло-то, поди ж, лет на двадцать ее старше. А тебе-то каково? — покачала головой соседка.

Мария знала о давней любви Беаты к Ласло.

— Да! — горестно вздохнула Беата. — Молодые, красивые… Кровь играет. Неужто Милош отца не пожалеет… а она! Вертихвостка настоящая! Наплачется еще Ласло. Ой наплачется!

— А утешаться к тебе придет! Вот посмотришь! — Мария многозначительно глянула на Беату.

«Мария — первая сплетница! Мой расчет верный», — торжествовала Беата.

Через несколько дней по их тихому небольшому району поползли отвратительные слухи. Кто-то — то ли соседка, то ли домработница, то ли сама Беата — якобы слышали или видели, как Надя ночами крадется к Милошу в комнату. Кто-то видел, как она поправляла ему шарф слишком нежно. А кто-то говорил, что она глаз с него не сводит.

Те, которые посмелее, утверждали, что Ласло прекрасно знает об отношениях между этой девкой и его сыном, и не против! Он и привез ее специально для своих и его утех. Наиграются и выкинут. Да уж недолго осталось мерзавке топтать венгерскую землю.

Вскоре все смотрели на Надю: кто с сочувствием, кто с осуждением и презрением, кто-то с любопытством.

Уже через пару дней — слухи дошли и до ушей Ласло. Именно так и хотела Беата: не обвинить напрямую, а пустить слух, шепотком, вкрадчиво, тишком, почти с сочувствием.

В тот же день Ласло взял Надю за руку, прикоснулся губами, всмотрелся в глаза внимательно, долго, молча. Потом тихо сказал:

— Надюша, я верю тебе.

Надя вздрогнула. Она поняла, о чем он. Надя думала, что только у них в Княжеске люди сплетничают так, что на голове волосы шевелятся от того, во что кумушки могут превратить простые события, да еще и те, которых не было вовсе.

— Я тоже! — ответила она.

А что еще она могла сказать на это?

…Беата как ни в чем не бывало подавала по утрам кофе Ласло. Ни словом, ни взглядом она не выдала своего участия в том, что происходило. Но в глазах у нее светилось мрачное удовлетворение сродни победе.

«Скоро ты уберешься отсюда, русская шлюшка», — источала яд женщина и ждала. О, она умела ждать как никто!

Все вроде шло своим чередом, но Надя чувствовала: напряжение нарастает. Ласло был по-прежнему заботлив, но как будто чуть ушел в себя. Милош стал более сдержан, отстранялся, старался не оставаться с ней наедине.

А Беата… та будто успокоилась: улыбалась нейтрально, не цеплялась, не вмешивалась. Но это спокойствие было тревожнее открытой вражды. Беата ждала как удав: она ничего не делала, а просто ждала, как скоро все сами пойдут к ней в пасть.

…Прошла еще неделя. Слухи будто улеглись, но в воздухе остался гул недомолвок. Надя все чаще ловила на себе взгляды — теперь не просто чужие, а и от Милоша, и от Ласло. Взгляды от обоих мужчин были одинаковые и разные одновременно — от Милоша только с любовью, а от Ласло сквозило беспокойством.

В доме был накал страстей такой, что Надя чувствовала — вот-вот что-то произойдет. И лавина сорвалась…

…В тот день Надя и Ласло ездили в город: вернулись счастливые, веселые. Надя быстро побежала к себе, а Ласло задержался во дворе, его остановила Беата и принялась с жаром что-то говорить.

Глава 20

Когда Надя поднялась в свою комнату и распахнула окно, до нее донесся тихий голос Беаты: она встревоженно говорила по-венгерски. Надя высунулась в окно и к своему ужасу увидела в руках Беаты свои… трусики! Не обязательно было знать венгерский язык, чтобы понимать, о чем говорит сейчас Беата Ласло.

Все в саду показалось до странности неподвижно — ни шелеста листвы, ни дуновения ветра. Как будто сама природа затаила дыхание. Все замерло. Даже птицы пели тише. В этом затишье что-то чувствовалось — как перед грозой. Или перед прощанием?

— …Я молчала, Ласло, — утирая глаза платочком, ныла Беата. — Но я так больше не могу. Мне больно видеть, как они тебя обманывают. Она спит с вами обоими. Вот доказательство. Я нашла это в комнате Милоша, — Беата рыдала, будто всерьез страдала за Ласло.

— Я бы не простила себе, если бы скрыла это от тебя.

Надя прижалась к прохладной стене, сердце стучало как сумасшедшее.

Поверит ли ей Ласло? Что он предпримет? Беата вырастила его двух детей, он знает ее двадцать пять лет. А кто для него Надя? Он прекрасно помнит, где он ее подобрал. Сколько они знакомы? Несколько месяцев! Беата больше не жда-

ла, она пошла в наступление. Она начала открытую войну!

Надя могла конечно крикнуть прямо сейчас из окна о том, что это неправда, что она украла ее трусики из ее комнаты. И опять-таки! Кому поверит Ласло? И это так унизительно — оправдываться. Особенно в том, чего ты не делала. Надо ли?

Надя присела на кровать: решение пришло мгновенно. Наверное, так будет правильно. Так будет лучше всего. Беата лишь материализовала то, что давно поселилось в голове у Нади: сколько раз она мысленно представляла себе это… любовь с Милошем…

Ласло ничего не сказал: ни в тот же миг, ни вечером, ни даже ночью. Не спросил, не проверил, не обвинил. Он просто любил. Он любил ее так же, а может, даже еще с большей страстью. Это было страшнее всего. Такая любовь — сильная, без условий — не освобождает, а удерживает. А Надя? Она прощалась с ним.

Тоже молча, без крика и объяснений.

Некоторые слова произносятся лишь раз в жизни и не забываются никогда.

…Утро выдалось каким-то необычно тихим, спокойным. Деревья и цветы в саду стояли не шелохнувшись, будто были не живыми, а изваяниями. Лишь крики птиц и мерный плеск воды — кто-то поливал клумбы — давали понимание, что все за окном живое.

Надя собрала свои вещи быстро: ей не хотелось брать те многочисленные подарки, которые ей сделал Ласло, но она

не хотела обидеть его. Он не заслужил этого. Она сложила в чемодан все то, что он подарил, оставив комнату без намека на то, что она в ней жила…

Сердце уже успокоилось: билось глухо и ровно, как перед чем-то окончательным.

Надя зашла в спальню Ласло, которая пару месяцев была их общей спальней. В глазах у нее стояли слезы, но она держалась.

— Ласло, простите меня, пожалуйста… если сможете. Я… я ошиблась… Простите… Я думала, что люблю вас… но, оказывается, не настолько, чтобы остаться с вами навсегда. Это была ошибка. Я не имею права дальше жить в вашем доме. Я хочу уехать. Проводите меня, пожалуйста.

Он молчал долго. Она будто оглушила его этой новостью. Целый вихрь мыслей пронесся в его голове за минуту! Она уезжает? Почему? Неужели то, что сказала Беата правда?

«Но я же ничего ей не сказал? Я не обвиняю ее. Я сам еще не принял решения… почему?»

Он медленно поднялся с кресла, подошел к Наде и крепко обнял, хотел поцеловать, но не решился, а лишь губами невесомо коснулся лба.

— Я не держу и не спрашиваю почему. Раз так решила… Я люблю тебя, Надя! И буду любить всегда, даже когда тебя не будет рядом.

Она заплакала. Он не задал ни одного вопроса. Ему не хотелось спрашивать ни про Милоша, ни про слухи, ни про

то, о чем рассказала Беата. Он все понял или сделал вид, что понял только то, что хотел.

— Я отвезу тебя в аэропорт. Поехали.

Ласло решительно направился к выходу, взяв чемодан у Нади.

Беата наблюдала за происходящим из окна. В глазах ее сверкали слезы радости. Партия сыграна. Шах и мат.

…Они ехали в аэропорт молча. В приоткрытое окно врывался долгожданный прохладный ветерок. Он будто спешил унести все, что случилось за это недолгое время.

Ласло сжимал руль и стискивал зубы все крепче, чтобы не начать выяснять отношения. К чему? Она решила, она уезжает.

…Когда он вернулся домой, Беата встречала его с чашкой свежего кофе и выражением глубокой, нарочито сдержанной печали и озабоченности.

— Надя уехала, — сказал он, проходя мимо нее, едва взглянув. — Я отвез ее в аэропорт, подвернулся удачный рейс, пересадка в Москве всего два часа.

— Ох… — Беата всплеснула руками. — Я же говорила тебе…

— Нет, — Ласло остановился и глянул ей прямо в лицо. — Ты ничего не говорила, лучше бы тебе молчать и дальше.

…Ласло стоял в кабинете, спиной к двери, глядя в окно. Свет почти не падал на лицо, только на седеющие виски. Он услышал шаги и не обернулся.

— Папа, ты увез Надю, но почему? Что случилось? Она даже не попрощалась со мной… — голос Милоша был ровным, но в нем сквозила внутренняя тревога.

— Да, сынок, увез, она приняла решение… — Ласло медленно повернулся, взял со стола очки, повертел в руках, не надевая: — Милош, я не верю в слухи, я даже на минуту не поверил Беате. Но я и сам не слепой… сам не знаю, чего я ждал… может, именно так и надо… все к лучшему…

Милош медленно опустил взгляд, стиснул руки в кулаки, закрыл глаза, обдумывая каждое слово:

— Папа, между нами с Надей ничего не было. Ничего! Совсем! Ни одного прикосновения! — твердо сказал он. — Я чист перед тобой, мы оба чисты. Но кто-то должен был уйти. Я сейчас сожалею, что ушел не я! Надо было мне уехать в город, снять квартиру… и…

— Милош, погоди… — перебил отец сына, — у меня есть вопрос… я хочу знать…

— Я люблю ее, — он понял, о чем спросит отец. — Это началось само. Я не хотел, папа! Прости. Я боролся, и сейчас борюсь, я не мог не чувствовать. Это оказалось сильнее меня…

Голос Милоша дрогнул, он с трудом держался.

— А она? — глухо спросил Ласло.

Милош покачал головой:

— Не знаю.

— Между вами был разговор?

— Был. Я признался ей…

— А она? — Ласло подался вперед, ему так хотелось услышать «нет», но разве она бы уехала, если бы было «нет»?

— Она сказала, что любит тебя, папа!

Ласло на минуту вспыхнул, но тут же погас. Милая девочка, она не захотела встать между отцом и сыном!

«А может быть, надо было уйти мне?» — вдруг подумал Ковакс, но тут же отмел эту мысль, понимая, что Надя не приняла бы этот поступок. Да и сын тоже.

— Я видел, как ты на нее смотришь, ведь ты мой сын. Видел и молчал, потому что любить — не преступление. Но я хотел, чтобы ты был честен. Для меня это важно. Честной из нас троих оказалась Надя.

— Я не хотел ранить тебя, папа, — тихо сказал Милош.

— Я знаю, — отозвался Ласло. — Ты — мой сын. А я не хотел ранить вас обоих.

Милош кинулся к отцу. Они обнялись.

— Уходят не потому, что мы сделали что-то не так. Иногда просто не судьба, и это больно, но нужно принять, — прошептал отец сыну.

Он больше не сдерживал слез.

Обнявшись, они стояли долго. Без лишних слов. Мужчины, между которыми — любовь, кровь, и рана, которая будет затягиваться долго.

За спиной — женщина, которая изменила их обоих навсегда. Впереди — долгая дорога к прощению.

Глава 21

… Утром Беата хлопотала на кухне, напевая под нос веселую венгерскую песенку. Давно ей не было так хорошо и спокойно.

«А все эта русская шлюшка чуть было не испортила! Но хорошо то, что хорошо кончается! И слава Богу!»

Беата чувствовала ту легкость, с которой живут победители. Ласло вошел тихо, присел на край стула, долго смотрел на нее, пытаясь понять — зачем?

Ему было невдомек, что она влюблена в него с того самого момента, как увидела впервые.

— Беата, — позвал он спокойно.

Женщина вздрогнула от неожиданности, обернулась, обрадовалась, увидев его, сердце ускорило ритм.

— Да? Тебе кофе? Я сама сварила, как ты любишь, и круассаны твои любимые испекла. Сегодня рынок хороший, я там…

— Ты должна уйти, — без тени эмоций промолвил Ласло и подумал: «Если бы я уволил ее раньше, что бы это изменило? Ничего! Милош любит Надю, а она любит его!»

— Что? Я не поняла… — она замерла.

— Ты не можешь больше оставаться в моем доме.

— Ласло! За что?! Я… я всю жизнь тебе служила! Я была рядом, я предана тебе, только я…

— Именно потому, что слишком рядом. Слишком «предана». Ты всегда все знала сверх положенного, всегда все видела… сверх нормы, и всегда делала еще больнее. Мне, Илке, Милошу…

— Ласло! Но я же… видела, она…

— Замолчи, — Ласло встал. Голос его стал железным. — Она уехала, сделала то, что ты хотела. Но и ты не останешься. И ты знаешь — почему. Завтра утром тебя не должно быть в моем доме.

Он вышел, не обернувшись. Теперь шах и мат! Конец партии!

Беата стояла в пустой кухне, сжав в руках полотенце. Победа обернулась изгнанием. Ее глаза сверкали злобой, а сердце ныло от унижения. Она не плакала — еще нет. Она просто не понимала: как? Как все обернулось в этот раз не так, как она планировала? Он выгнал эту шлюху, а теперь выгоняет ее?

Она не понимала, как же так легко, за одну минуту, разрушилось все, что она строила годами, рисковала, обманывала, унижалась, совершала страшные поступки…

Ей так хотелось крикнуть ему напоследок, что это она потихоньку травила Илку, подмешивая ей в кофе яд, и в ту ночь устроила пожар тоже она, и это она вывела безумную Валери из ее спальни и отдала в руки того амбала, которому хорошо заплатила и велела убираться вместе с ней из страны! А сколько ей пришлось пережить, когда друг Милоша

увидел Валери в баре! Как она тогда рвала и метала, но вовремя все решила. Она позвонила тогда этому идиоту Гаспару и приказала немедленно уезжать. Он еще запросил денег, и Беата продала все свои украшения, но решила вопрос.

И все потом так хорошо складывалось. Ну откуда взялась эта тварь?!

Беате хотелось выть, ей хотелось разгромить всю кухню, поджечь дом, ворваться к Ласло в комнату и бить его, бить ножом, много раз, втыкая его куда попало.

Она именно сейчас пожалела, что она не отравила эту тварь. Не тем ядом, он действует слишком долго, а чем-нибудь понадежнее, чтобы раз — и все! Испугалась! Этот липкий, вонючий страх помешал сделать дело в первые же дни. А надо было. Беата в изнеможении зашла к себе в спальню, легла на кровать, закрыла глаза.

«Теперь я проиграла окончательно!»

…До Москвы Надя летела будто в тумане: все делала машинально. Словно тело отделилось от души и жило само по себе. Она не помнила, как заняла свое место на борту, кто сидел рядом, как пролетели часы в воздухе.

В ушах звенела тишина, перед глазами все плыло — чужие лица, стюардессы, иллюминаторы с бесконечно серым пушистым небом.

Надя смотрела в окно иллюминатора, в серую мглу, которая была сродни той, что поселилась в ее душе. Мысли не держались в голове. Ни о чем не хотелось думать, ничего

не хотелось чувствовать. Мир сужался до одного слова: «конец». Только кому и чему — пока не было ясно.

Когда самолет приземлился, она вышла на трап, почти не ощущая земли под ногами, будто пробираясь сквозь ту же серую пелену, которая только что была в воздухе. Впереди шел поток людей, и она пошла за ними, словно безвольный листок, оторвавшийся от веток.

И только пройдя паспортный контроль, пришла немного в себя и сообразила, что нужно ехать в другой аэропорт. Немного собравшись с силами и мыслями, она вышла на улицу, вдохнула московский воздух — сырой, прохладный, наполненный городским шумом, сыростью и равнодушием. Никому не было до нее дела.

Облака плыли низко, готовые вот-вот пролиться дождем.

«Куда теперь? Что дальше? Как жить? Как загасить в сердце пожар любви к Милошу, стыд к Ласло и ненависть к Беате?» — Надя стиснула зубы, будто стараясь не дать слезам выйти наружу.

…Когда ехали с Ласло в аэропорт, Надя попыталась было заговорить с ним о долге. Она хотела сказать, что отдаст, как и обещала, всю сумму сполна. Кафе работает хорошо, в полную силу, приносит неплохой доход. Ласло тут же остановил машину, посмотрел на Надю долгим взглядом и проговорил:

— Я провел, наверное, самое лучшее время в своей жизни. Пусть коротко, но ты была моей женой… настоящей женой. Кто из мужчин станет брать деньги с жены? Ты о чем,

Надя?

— Но… — начала было она.

— Прошу тебя, не надо. Пусть это будет моим прощальным тебе подарком. Я все давно понял! У нас нет другого выхода. Даже если я попрошу тебя остаться с Милошем, и скажу, что я уйду в сторону, ведь ты не останешься?

Надя молча покачала головой.

— Поэтому пусть так. Это память обо мне у тебя. Этот дом, и это кафе! Я буду счастлив знать, что вы ни в чем не нуждаетесь.

Она почему-то подумала, что он сейчас скажет: звони в любое время, когда будет плохо. Но он не сказал… это к лучшему! Надо рубить навсегда.

Надя вспомнила, как в детстве у нее была пуделиха Дона. У нее родились щенки, и спустя время пришел человек, который купировал им хвостики. Надя тогда плакала и просила не делать этого, а ветеринар сказал:

— Иногда надо рубить лишнее и делать это быстро и безжалостно. Больно, но зато потом будет хорошо: красиво, легко, свободно. Все зависит от того, какие ты преследуешь цели, отрубая что-то лишнее!

Надя ничего тогда не ответила Ласло. Внутри все горело: стыд, благодарность, боль, чувство вины.

…Перелет до Новосибирска был длительным, и у Надежды было время хоть немного прийти в себя. Не стало легче, но по крайней мере ушла внутренняя противная дрожь.

Татьяна не знала, что Надя возвращается домой, и надо было как-то ей объяснять, почему так: неожиданно и одна. Передумав всевозможные варианты объяснений, она решила остановиться на самом простом: соскучилась, сюрприз, Ласло приедет позже. У него неотложные дела по бизнесу. А потом как-то постепенно нужно будет сказать маме правду, когда хватит сил и слов, по крайней мере о том, что с Ласло все кончилось, так и не начавшись.

Татьяна распахнула дверь с радостным криком:

— Доченька! Надюшка! Господи! Давай проходи! А я только что приехала. В кафе была.

Она бросилась обнимать Надю, заглядывала в лицо, гладила по плечам, расплакалась.

Надя тоже плакала, обнимая мать.

— А Ласло? Почему ты одна? — спросила с чуть сбившимся дыханием Таня. — Где он? Почему не приехал? Все в порядке? Вы не поссорились?

Надя натянуто улыбнулась:

— Мама, слишком много вопросов. Дай мне ответить хоть на один. Приедет чуть позже, у него важные дела, а я… ну я соскучилась, решила устроить тебе сюрприз. Хотелось домой… мам, все же мой дом здесь, и знаешь, даже не здесь, а там… — Надя махнула рукой, — пусть убогость, беднота! Но она наша милая квартирка. Давай сходим вечерком?

Таня как-то засуетилась, не ответив на вопрос, а Надя не обратила внимание.

— Ну пойдем, пойдем! Буду тебя кормить.

Глава 22

В кухне стоял совсем другой гарнитур, чересчур пафосный. Было много разной посуды, и тоже далеко не простой, и, как поняла Надя, — не дешевой.

— Мам, а это что?

Надя обвела глазами кухню.

— Ой, дочунька, мне так захотелось. Красиво, правда? Пойдем, я тебе еще зал покажу и спальню. Закачаешься!

Предчувствуя, что и там окажется много нового, Надя нехотя пошла за матерью.

«Да, Ласло сделал щедрый подарок, но ведь мама не знала об этом. У нее есть сведения лишь о том, что мне нужно отдавать ему немало денег! Что за ненужные траты? Кому нужна эта роскошь? На какие средства?»

В зале красовалась огромная безвкусная люстра с позолотой, достойная «приемной короля». Прежний диван и кресла исчезли — вместо них красовались три небольших дивана и две козетки, обтянутые зеленым бархатом и шелком, и опять все с той же позолотой.

— Это что такое? — выдохнула Надя. — Что за безвкусица? А главное — на какие средства? Ты что, вытащила деньги из бизнеса? Ты их тратишь?

Мать надула губы как маленькая девочка:

— Успокойся, Надюша! Из бизнеса я не взяла ни копейки.

Я… я продала нашу халупу. Это на деньги за нее.

— Ты продала квартиру, чтобы купить всю эту никому ненужную мишуру? — Надя задохнулась от возмущения.

— Квартиру? Ты называешь нашу конуру квартирой? — гаркнула возмущенно Татьяна. — И потом, не забывай, это была моя квартира! Какое ты имеешь к ней отношение? Я ее получила от предприятия, еще в восьмидесятом году. Так что лучше тебе помолчать.

Наде очень хотелось задать матери ответный вопрос: а какое отношение она имеет к дому, в котором сейчас живет? Но не стала этого делать. Это было так мелко.

Почувствовав, что дочь только что сдалась, она обняла ее и проговорила:

— Надюша, давай на будем ссориться! Я столько времени считала копейки и так мечтала покупать все, что я хочу. И вот этот момент настал.

Таня мечтательно закрыла глаза, прижала руки к груди.

— Мама, я не против, но посмотри сама. Что случилось с твоим безупречным вкусом, к чему это все?

— Наденька, миленькая моя! Доченька, прости меня. Теперь ты рядом и будешь тормозить меня. Я действительно совсем распоясалась.

— У тебя еще остались деньги? — строго спросила Надя.

Таня потупила взор:

— Нет, Надюша, я все истратила.

Надя горестно кивнула. Что оставалось делать? А еще она

сильно сомневалась, что денег, вырученных за продажу их квартиры, могло хватить на все, что появилось в доме во время отсутствия Нади, хоть и была их однушка в самом центре городка, считавшимся дорогим местом.

— Мама, скажи, пожалуйста, мне правду… Ты брала деньги из бизнеса.

Таня потупила взор и прошептала:

— Наденька, хорошо, что ты приехала. Я совсем не умею обращаться с большими деньгами. Не давай мне больше ни копейки.

Надя едва сумела загасить рвущееся наружу возмущение…

— Ласло же добрый, он же не будет у тебя требовать… — промямлила Татьяна.

— Мама, пожалуйста, молчи сейчас, прошу тебя, и больше никаких лишних трат. У нас теперь есть абсолютно все необходимое… и теперь есть даже совершенно ненужное, — Надя с неприязнью посмотрела на диваны и люстру.

— Ну хочешь, я продам! — встрепенулась Таня.

— Купила задорого, а продашь за копейки! Что с тобой происходит? Тебе крышу совсем сорвало?

Таня кинулась к дочери:

— Прости, прости меня, дочуня. Я обещаю, больше такого не повторится. Никогда.

«Конечно нет! Ты больше лишней копейки не получишь!» — горько подумала Надя.

В Венгрии, в доме Ласло

Через два дня в дом Ласло пришел полицейский и спросил, не знает ли он женщину по имени Беата Варга. Ничего не подозревающий Ласло ответил, что она была экономкой в его доме долгое время.

Полисмен предложил Ласло проехать в морг и опознать тело Беаты, так как других контактов у нее не обнаружено.

— Что с ней случилось? — мрачно спросил Ласло.

— Она отравилась в номере гостиницы в Будапеште. Рядом с ней было обнаружено прощальное письмо, адресованное вам.

Когда Ласло передали последнее письмо Беаты, он сначала не хотел его читать, но Милош настоял:

— Папа, а вдруг там что-то важное? Признания…

И Ласло сдался. Нехотя он открыл конверт, вынул листок, сложенный вдвое, развернул и прочел:

«Милый мой, любимый мой Ласло! Всю свою жизнь я любила лишь тебя одного, но ты не понял моей любви. Сначала я думала, что если не станет Илки, то ты будешь моим, и я отравила ее — медленно, незаметно.

И ведь я была почти права — после ее смерти ты стал тянуться ко мне. Если бы не Валери. Как она умудрилась попасть в ту аварию! А ведь ты был уже моим. Помнишь, мы пили с тобой вино, и ты обнял меня? А потом сказал, что тебе стало легче. А как мы вместе поехали 16 октября на рынок? И ты не позволил мне нести сумки — сам донес до ма-

шины. А как мы собирали виноград? Помнишь? Только ты и я! И вдруг Валери, твоя дочка, все испортила! Какой черт понес ее тогда в город?!

У меня не было другого выхода, и я решилась. Дом подожгла я, и Валери вывела из дома тоже я.

Гаспар с удовольствием взял ее для своих утех. Она же красивая девочка, а стала еще и бессловесная. Отличное сочетание, не правда ли?

Ну зачем, зачем ты притащил эту тварь из России?

У нас могло быть все так замечательно. Ведь спустя три года ты же больше не стал искать Валери. Да и бесполезно это. Ты все равно ее не найдешь и больше никогда не увидишь. А я терпеливо ждала. И все зря…

Я ухожу из жизни добровольно, хотя надо было отправить на тот свет эту мразь. Очень сожалею, что не сделала этого.

Но я рада! Знаешь чему? Ты не будешь счастлив ни одного дня так же, как не была счастлива я!

Я же права? Да, я права. Я всегда была права.

Какой же ты глупыш, Ласло! Как ты мог не увидеть своего счастья? И этим счастьем была я: предана как собака, готова на все ради тебя.

Прощай! И живи теперь, если сможешь жить, зная, что твоя дочь жива и в руках настоящего, абсолютно безбашенного урода, который каждый день и каждую ночь использует ее, а возможно, даже продает за деньги. И ты никогда ее не найдешь!»

Ласло читал медленно, будто каждое слово приходилось извлекать с болью. Строки резали память знакомыми воспоминаниями.

Он вспомнил тот день на рынке, как Беата шла рядом — скромно, как тень. И он действительно помог донести ей сумку, как помог бы любой женщине. Он обнял ее тогда, шутливо, по-дружески.

И вино было, но лишь потому, что у Беаты был тогда выходной, и он предложил ей продегустировать вино, которое привез в тот день из Франции, потому что собирался запустить его в продажу в женском клубе.

А виноград она вызвалась собирать сама, и Ласло сразу же ушел: кто-то позвонил. Во всех этих простых поступках она увидела намек на интимность. Да она сумасшедшая… была…

Смерть Илки, пожар, исчезновение Валери… Как теперь самому не сойти с ума?

Когда он дочитал, пальцы сжали бумагу, но не порвали. Он не мог даже разозлиться — только замер, глядя в одну точку. Как будто внутри все обрушилось — не от боли даже, а от ужаса, что все это было рядом, в его доме, в его жизни. Он доверял ей своих детей, кормил, пускал в свой мир — а она, оказывается, вычеркивала людей из его жизни, как имена в записной книжке.

Он опустился в кресло, как в яму, — тяжело, грузно, не в силах ни вздохнуть, ни закрыть глаза. Ласло вдруг понял,

что именно таких женщин боятся мужчины в старости: преданных, верных и безмерно одиноких. Тех, кто никогда не простит за равнодушие. И ведь правда: он не был счастлив. Ни одного дня, с тех пор как исчезла Валери.

И вдруг этот проблеск — Надюша, милая девочка. Какое счастье, что она приняла решение и уехала, и что Беата не причинила ей вред.

Ласло безвольно протянул письмо Милошу, тихо промолвив:

— Гаспар… Господи, сколько Гаспаров на земле! Ну хоть бы еще что-то… хоть какая-то зацепка…

Милош читал с жадностью и страхом. Как будто искал в письме что-то, что откроет все тайны. И нашел.

Мама… мамочка… его мама. Отравлена. Змея под боком, в их доме. Беата целовала его, гладила по голове, кормила, одевала, водила в школу, а потом отравила его маму. Но этого ей показалось мало, и она спровадила его сестру

А он винил себя, ведь это он в тот вечер курил в кабинете, пожар начался именно там. Выходит, Беата воспользовалась? Она решила его подставить. Но хорошо, что отец никогда не обвинял Милоша, но он-то сам всегда, все эти годы обвинял себя!

Милош не плакал, он сжал губы, поднес письмо ближе к глазам, а потом вдруг разорвал на мелкие кусочки…

— Папа… — выдавил он, дрогнувшим голосом. — Она все это время была с нами… убийца… Она отравила маму…

Как же мы не заметили…

И теперь заплакал. Не по-детски, а как очень редко плачет настоящий мужчина, у которого только что отняли то, что уже никогда не вернуть.

Глава 23

На следующий же день Надя отправилась в кафе и осталась очень довольна. Все работало как часы. Ее с радостью встретили друзья: тетя Дуся, Майя и Петрович.

— Надюша! — просияли все разом и кинулись к ней обниматься. — Слава Богу, вернулась! Хозяйка на месте.

— Одна вернулась-то? — уточнил Петрович, хитро сощурив глаза.

— Да, одна. Ласло пока в Венгрии.

— Ну-ну, — протянул он, не настаивая, но явно оставив при себе сомнения.

Посидели все вместе, выпили кофе со знаменитыми пирожками:

— Теть Дусь, вот в Венгрии все точно по вашему рецепту делала, а не получались у меня такие вкусные.

Тетя Дуся махнула рукой:

— Чтобы получились, как у меня, надо быть мною. Ешь на здоровье! — она обняла и поцеловала Надю. — Так рада, что ты вернулась.

…Потекли дни в привычных заботах.

Рано утром Надя уезжала в кафе, там ее ждали любимые запахи, которых так не хватало, — дрожжи, корица, свежемолотый кофе. Здесь был ее дом.

Приезжала поздно вечером, принимала душ и ложилась

спать. Она постаралась загрузить себя работой так, чтобы в голове были лишь калькуляции, меню, список продуктов на завтра…

Да толку было чуть. Милош все время будто рядом был. Вспоминала его сразу, только открыв глаза, улыбалась и бежала в ванную: там, глядя на себя в зеркало, представляла, что вот и он вместе с ней чистит зубы, как в кино.

Когда завтракала, то глядела в окошко, а Милош, будто там в саду возится — сейчас войдет и кофе попросит. И когда ехала в кафе, и там, хотя вроде сильно занята была: все равно всегда он… Милош.

Но вот странность: засыпая, Надя всегда просила Господа, чтобы он ей во сне показал любимого, но ни разу Милош ей не приснился.

Думала ли она о Ласло? Да, он тоже частенько возникал в приятных воспоминаниях: что и говорить, а дорог вместе пройдено немало. Но о Ласло, несмотря на то, что с ним были близкие отношения, вспоминала, как об отце или о старшем брате: с теплом и уважением.

…Незаметно прошла неделя. День был обычный — утренний завал, потом небольшой перерыв. В кафе зашел мужчина лет сорока. Никто на него не обратил внимания, хотя он и выбивался из привычной клиентуры. Вежливый, в дорогой, хоть и простой брендовой одежде, с цепким взглядом. Водители такое не носят и так не смотрят.

Позавтракал, как все, омлетом и пирожками, выпил кофе.

Было видно, что доволен. Осмотревшись, увидел Надю, поднялся и медленно, чуть ли не вразвалочку подошел.

— Вы ведь хозяйка, верно? — спросил, чуть прищурившись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.